

Ярослав Смирнов

Цитатник бегемота

1997

Смирнов Я. В.

Цитатник бегемота / Я. В. Смирнов — 1997

Плановый эксперимент в лаборатории абсолютного вакуума. И в результате без вести пропал капитан специальной группы «Святогор» Иван Громов... Так начинается одиссея по параллельным реальностям Ивана Громова... Одиссея – по новым мирам. Похожим на наш, но в то же время – от нашего отличающимся!

Содержание

Пролог	5
Часть первая	7
Часть вторая	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Цитатник бегемота

Ярослав Смирнов

*Мы спим,
И наше тело – это якорь,
Душой заброшенный
В подводный сумрак жизни...*

Хуан Рамон Хименес

Примерно половина этой книжки – чистое вранье

Пролог

Невысокий седовласый подтянутый человек с грубым шрамом через правую щеку в военной форме с полковничьими погонами шел по длинному коридору. Под мышкой у него был зажат дорогой бювар красной кожи.

Лицо у полковника было строгое и сосредоточенное.

– Эй, Фомич!..

Полковник обернулся: его нагнал высокий грузный генерал.

– Куда собрался, Фомич? На ковер?.. Полковник угрюмо кивнул.

– Громов-то что? – понизив голос, спросил генерал. – Нашли его?..

Полковник, не говоря ни слова, отрицательно качнул головой.

– Что же дальше?..

– Подождем, – сдержанно ответил полковник. – Может быть, он все-таки жив.

Генерал вздохнул.

– Эти экспериментальные агрегаты...

– с досадой сказал он.

– Ладно.

Увидимся вечером.

Он кивнул полковнику и пошел дальше. Полковник мрачно посмотрел ему вслед, постоял немного в нерешительности и со сдержанным вздохом раскрыл бювар.

Там находился только один листок.

Совершенно секретно.

Начальнику отдела специальных исследований особого подразделения «15»

Восемнадцатого Управления ГРУ Генерального Штаба МО СССР генерал-лейтенанту Савченко М.Ю.

РАПОРТ

23 ноября 1979 года в ходе проведения планового эксперимента в лаборатории абсолютного вакуума возникла нештатная ситуация, в результате которой произошла авария экспериментальной установки.

Лаборатории причинен значительный ущерб.

Потери личного состава: пятеро легкораненых, один, капитан специальной группы «Святого»

Громов Иван Иванович, пропал без вести.

Поиск пропавшего продолжается.

Прошу Вашего разрешения на возобновление работы лаборатории.

Начальник лаборатории АВ полковник Сергиенко У. Ф. Москва 24.11.1979.
Полковник задумчиво вложил листок обратно в бювар. Пропал без вести...

Часть первая

ГАУПТШТУРМФЮРЕР ГРОМОВ

Иван с трудом разлепил веки и ничего не увидел над собой, кроме расплывчатой белесой мути.

Все тело до последней клеточки ныло, дышать было невыносимо тяжело.

Его подташнивало:

Иван скрипнул зубами, с трудом пытаясь сдержать головокружение.

Он услышал чей-то неразборчивый возглас и увидел лица людей, склонившихся над ним.

"Слава Богу, я живой", – подумал с облегчением и вполне объяснимой радостью Иван и попытался приподнять голову.

Ему не удалось этого сделать.

Слабость, одуряющая и ослепляющая слабость навалилась на него, к горлу подкатил комок и стал настойчиво выбираться наружу.

Иван почувствовал, как в руку впиалась игла шприца: прохладная волна прокатилась по венам и увлекла тело в багрово-черное небытие.

Через какое-то время он снова очнулся, взбодрившийся и изрядно посвежевший: чернота вместе с донимавшей его белесой мутью куда-то исчезли.

Иван поворачивал глазами, попытался повернуть голову.

Ему это удалось, и он увидел человека в белом халате, очевидно, врача, который смотрел на него со слегка удивленной, однако же вполне приветливой улыбкой.

Иван с трудом улыбнулся ему в ответ и уже совсем было открыл рот для того, чтобы начать задавать уместные вопросы, но врач опередил его, заговорив сам с успокаивающими интонациями, при этом кивая в такт словам и легкими движениями рук поправляя укрывавшее Ивана одеяло.

Иван удивился и обеспокоился.

Смысл докторовых речений доходил до его сознания с трудом, как сквозь вату, шум ветра или...

Нет, все равно Иван понимал врача плохо: ему приходилось изрядно напрягаться, вслушиваясь.

Он захотел прокашляться и попробовать, как звучит его собственный голос, но в это время дверь комнаты – или, скорее, палаты – отворилась, и на пороге появился некто в белом и в темных очках.

Иван невольно поморщился.

– А! Он очнулся, – громко произнес вошедший. – Наконец-то.

– Еще бы, – буркнул первый врач.

– От грохота этих бомбежек и мертвый скакать начнет.

Ивана словно обухом по голове ударили. Какие бомбежки?! Что за... Он поперхнулся и выпучил глаза. Неудивительно, что он с трудом понимал разговор – ведь доктора говорили не по-русски. Они вовсе даже говорили по-немецки. Иван ощутил неприятную дрожь, стиснул зубы и прикрыл свои выпученные донельзя глаза. Спокойствие, только спокойствие... Это, наверное, последствия взрыва. Взрыв вот, к примеру, был реальностью, а все остальное – сон..., или бред, что вернее.

Сейчас он спокойно полежит некоторое время, поразмыслит о причудах законов природы и об использовании этих законов человеком... точнее, разгильдяем... потом откроет глаза – и все будет в порядке. Если не считать того, что в госпитале придется провести достаточно длительный отрезок времени. До полного выздоровления и пропажи галлюцинаций.

Иван задумчиво лежал и осторожно приоткрыл глаза, услышав стуки и почувствовав движение рядом с собою. Посетители галлюциногенного происхождения не исчезли, даже наоборот – их количество умножилось. Иван вздохнул. Похоже, в госпитале он будет лежать долго... Давешний обладатель тонтон-макутовской оптики уловил сдержанный вздох Ивана и движение его век и обрадованно сказал:

- А! Наш юный друг снова очнулся. Господин профессор, вы можете с ним поговорить.
- Хорошо, – раздался голос из глубины комнаты. – И, господа, оставьте нас наедине.
- Да-да, – поспешно сказал первый врач и направился к двери.
- Пойдемте, господа... Не будем мешать профессору и герру Кляйну...

"Какой еще герр Кляйн?" – недовольно подумал Иван, краем глаза наблюдая за тем, как врачи один за другим выходят из палаты. Последний из них осторожно прикрыл дверь за собой. Иван повернул голову и посмотрел на того, кого называли профессором. Вид у врача был ничего себе, истинно профессорский. Могучая лысина, окладистая борода и толстенные очки с сильным увеличением – все это невольно вызывало уважение и даже пиетет. Вот только глаза... Иван даже поежился... какие-то слишком уж глубокие глаза – темные, мрачные, бездонные. У людей, даже у профессоров, таких глаз обычно не бывает.

Некоторое время этот самый профессор в упор разглядывал Ивана, а потом заговорил:

– Меня зовут профессор Фридрих фон Кугельсдорф. – Голос у него был бесстрастный и какой-то даже пустой. – Я руковожу исследовательской лабораторией, в которой вы в данный момент находитесь. Не соблаговолите ли объяснить, милостивый государь, каким образом вы здесь очутились, как ваше имя и кто, собственно, вы вообще такой?

Он выжидательно замолчал и обратил пристальную пустоту своего взора на Ивана. Иван не ответил и снова закрыл глаза, уныло размышляя. А может, это всего-навсего практиканты из "Штази"? Знают, что он хорошо говорит по-немецки, вот и... Хотя чего ради этот мужик допытывается, кто он такой и откуда взялся...

– Отвечайте же! – несколько нетерпеливо сказал профессор.

Ну и имечко у него, однако...

– Вы меня слышите? – повысил голос фон Кугельсдорф.

"Абер фрайлих", – подумал Иван, а вслух нехотя буркнул:

– Яволь...

А может, это просто чей-то дурацкий розыгрыш? А может...

– Ежели слышите, так отвечайте на поставленный вопрос, – раздался скрипучий до неприятности голос откуда-то из угла.

Иван сообразил, что говорит второй из оставшихся в комнате – его он не успел разглядеть. Он открыл глаза и грустно посмотрел на говорившего. Лучше бы он не смотрел. В углу, не касаясь спинки стула до невозможности прямой спиной и аккуратно положив ногу на ногу, сидел человек в черной эсэсовской форме: перчатки, кресты, значки, ремни, кобура, начищенные до зеркального блеска сапоги, из-под фуражки с серебристой мертвой головой – почему не снял убор в помещении? – холодный немигающий взгляд льдистых голубых глаз...

Обмирая, как в кошмаре, Иван смотрел на невозможного персонажа, чувствуя, что уже не сомневается в абсолютной нереальности происходящего. Шутки, похоже, закончились: Иван явственно обонял запах керосина, витавший над его личным делом...

– А это, – профессор сделал широкий жест рукой, – господин...

– Кляйн, – проскрипел эсэсовец. – Оберштурмбаннфюрер Генрих Кляйн.

Он встал со стула, и все его портупеи с сапогами заскрипели в унисон с голосом хозяина.

– Герр Кляйн, – произнес профессор, – занимается тем, что...

– Подождите, профессор, – перебил его эсэсовец.

– Я сам.

Он подошел к Ивану, измерил его холодным взором и заговорил:

– Я занимаюсь тем, что отвечаю за секретность экспериментов, проводимых лабораторией профессора фон Кугельсдорфа. Я по мере сил борюсь с врагами нации и фюрера, со шпионами и диверсантами, но, – он поднял палец, – честным немцам бояться меня нечего. Вы будете отвечать на мои вопросы... Так?

– Да, – чуть ли не прохрипел Иван.

– Отлично, – удовлетворенно кивнул Кляйн.

Он заложил руки за спину и некоторое время ходил по комнате. Потом вдруг резко повернулся и в упор спросил у Ивана по-французски:

– Ваше имя? Чин? Задание?

Придумал бы что-нибудь поновее, разозлился Иван. Что за шуточки, в самом деле? Ротмистр задрипанный. Жандармская морда.

– А почему по-французски? – задал он резонный вопрос. – Я что, похож на лягушатника? В моем лице есть что-то гасконское?

– Вообще-то нет, – несколько недоуменно произнес Кляйн.

– Тогда в чем же дело?

Немец не ответил. Создалось впечатление, что он желал бы почесать в затылке.

– А кто же вы тогда такой? – в затруднении спросил он. – Американец? Англичанин?

Иван укоризненно смотрел на него.

– Неужто поляк? – в священном ужасе проговорил Кляйн.

– Еще скажите, что я русский, – печально молвил Иван.

– Ну, это уже чересчур, – хмыкнул оберштурмбаннфюрер. – Я такого говорить не собирался...

Он сокрушенно покачал головой, а Иван в это мгновение с ужасающей отчетливостью понял, что все это – не шутка, не розыгрыш и не бред, а самая что ни на есть реальная реальность – какой бы странной и страшной она ни казалась, – и что в этой реальности ему предстоит находиться неизвестно сколько... и кто знает, чем все здесь происходящее может для него; да и для других, закончиться..., и закончится ли вообще.

– Итак, – произнес Кляйн жестко. Взгляд у него был холодный и цепкий. – Шутки в сторону. Я понимаю, что вы не шпион. Однако кто же вы в таком случае?

Надо что-то срочно придумать... Эти двое – вовсе не простаки и не дураки. Но что у них на уме? Что это за лаборатория такая? Вот гнусная машина: надо же было ей так взорваться...

– Я... Я не знаю... Я не помню..., господин оберштурмбаннфюрер... Взрыв... да, взрыв, а потом...

Профессор и эсэсовец выжидательно смотрели на него.

– Какой сейчас год? – выпалил вдруг Иван, пытаясь приподняться.

Кляйн и фон Кугельсдорф быстро переглянулись.

– Одна тысяча девятьсот сорок третий, – сказал профессор. – Седьмое мая.

– Вы думаете, он на самом деле ничего не помнит? – вполголоса спросил Кляйн.

Профессор дернул плечом.

– Вполне может быть, – пробормотал он. – После такого взрыва... Вы офицер СС? – вдруг спросил он.

Иван сначала не понял, а потом чуть не подскочил на кровати. Ну конечно! Татуировка с номером группы крови под мышкой...

– Да, герр профессор, – как бы в полузабытьи с трудом проговорил он. – Гауптштурм... Нет, не помню! – воскликнул он с душевной мукой в голосе, заведя глаза на черную фуражку Кляйна.

Немцы опять быстро переглянулись.

– Но хоть что-то вы должны помнить? – раздраженно спросил Кляйн. – Где вы служили? В какой части? Что это было – полевая часть или какое-нибудь ХОЗУ?

Иван смотрел на него, лихорадочно соображая.

– Нет... К пятому управлению я не имел отношения, хотя генерала Поля помню...

– А что еще? – быстро спросил Кляйн. – Гестапо? Разведка?..

Как же, забудешь такое – Броневой с котом Матроскиным, зло подумал Иван. Все двадцать серий...

– Нет, – ляпнул он наобум. – Корабль..., холодно...

Кляйн с профессором переглянулись снова – на этот раз прямо-таки потрясение.

– Не может быть, – хрипло произнес Кляйн. – Как же так...

Было видно, что Иван попал в точку – неизвестно какую, но зато очень метко. Снайперски попал – угодил в десятку. И что его угораздило – про какой-то там корабль?..

– Ну?.. – крикнул эсэсовец. – Какой корабль? Отвечайте же!..

– Да не помню я! – взмолился Иван. Какие-то странные мысли полезли ему в голову. – Крейсер..., нет, большая подводная лодка... Мы плыли..., долго..., потом лед, лед везде – в море, на суше, повсюду только лед, и странный запах, и разноцветный дым..., все горит, и земля, и вода..., а потом взрыв – и я здесь...

Иван умолк, потом перевел дух. Ну и наговорил он. Ой несдобровать, ой засада...

Профессор и Кляйн молчали. Иван чувствовал себя очень неуютно под их сверлящими взглядами.

– Ну ладно, – разлепил губы Кляйн. – Это легче... проверить. Я займусь этим. Но все равно – вы поступаете в наше распоряжение, будете задействованы в нашем проекте.

– Именно так, – поддакнул профессор.

– Вы ведь готовы служить фюреру и рейху?

– Я – солдат фюрера и великой Германии, – отчеканил Иван, мысленно матерясь. – Как только я буду в состоянии держать в руках оружие, я хочу, чтобы меня направили туда, где трудно, туда, где я смогу принести наибольшую пользу...

– Этот момент очень скоро настанет, – несколько зловеще, как показалось Ивану, произнес Кляйн. – Вы сумеете проявить себя на поле битвы...

– Скоро? – очень радостно произнес Иван.

– Скоро, – подтвердил эсэсовец.

– Ну, не так чтобы очень, – вдруг вмешался профессор.

– Вы еще здесь полежите...

– А что такое? – недовольно спросил Кляйн. – Он же здоров как бык. Да у меня и в спецгруппе таких здоровяков нет!

"Спасибо на добром слове, – кисло подумал Иван. – Хотя что-то приятное здесь можно услышать..."

– Здоров-то он здоров, – проговорил профессор, – но все-таки..., все-таки надо немного подождать...

– Сколько? – немедленно спросил Кляйн.

– Ну..., денек хотя бы.

Иван поперхнулся.

– Пока немного введу его в курс дела, – продолжал профессор, – а потом можно будет и отправляться.

– Куда? – чуть было не закричал Иван. Немцы посмотрели на него.

– Узнаете, – коротко сказал Кляйн.

– Со временем все узнаете. Фронт и передний край теперь для вас – здесь. Зиг хайль!

– Зиг хайль, – уныло пробубнил Иван.

Кляйн кивнул ему, кивнул профессору, повернулся и, поскрипывая амуницией, вышел вон.

Иван посмотрел на Кугельсдорфа.

Профессор, набычившись, глядел на своего пациента. В пустоте его глаз вспыхивали и гасли темные искры.

Ивану показалось, что его тело становится легким, совсем невесомым: оно послушно выполняло волю ветров, разгуливавших по Вселенной и сбивающих с толку планеты и солнца. Кровать, на которой он лежал, плавно повернулась вокруг своей оси, осторожно поднялась в воздух и направилась в далекое путешествие, подобно тому самому кораблю без руля и без ветрил.

Бездна сменяла бездну; путь был далек, и требовался отдых: и он наступил, этот долгожданный отдых, когда Иван закрыл глаза, и бесконечны ласковый сон принял его в свои объятия, обещая тишину, пустоту и неспешную ласку временного покоя.

В том же самом сне ему привиделось, что его накормили, напоили и вообще всячески за ним ухаживали, исполняя любую прихоть и каждое желание.

Это не показалось ему раем, потому что, наверное, не бываетрая для одного Ивана: но все же это был настоящий отдых.

Так продолжалось очень долго:

Иван наслаждался неожиданным покоем, которого так мало он видел на своем веку..., разве что только во сне. Однако сон есть сон, пусть даже сквозь кровь и пыль, поэтому Ивану это скоро все надоело, и он был рад, когда почувствовал, как кто-то трясет его настойчиво за руку.

Он посмотрел на трясуну.

Это был, разумеется, профессор.

У Ивана вдруг мелькнуло странное ощущение, что фон Кугельсдорф знает его давным-давно, что они встречались не раз и не два, что профессор что-то хочет ему сказать и вообще чего-то от него, Ивана, ожидает – какого-то действия, ожидает с невероятным упорством, терпеливостью" и уверенностью.

В то же время сам Иван готов был хоть дать тряскую руку на отсечение, что профессора этого он раньше в глаз не видел, в данный момент видеть не очень хочет и когда-нибудь еще увидеть вряд ли пожелает.

Некоторое время Иван и профессор смотрели друг другу в глаза, потом фон Кугельсдорф кривовато улыбнулся сказал:

– Вставайте, барон, вас ждут великие дела!..

Опять дурацкие шуточки, зло подумал Иван и рывком сел, откинув одеяло.

Он стиснул зубы, ожидая приступа головокружения и тошноты, но, к своему удивлению, ничего особо неприятного не ощутил.

Он огляделся. Оказалось, что кровать находится вовсе не в той комнате, где она была раньше: здесь было гораздо просторнее, у стены стоял какой-то агрегат явно медицинского предназначения, на тумбочке рядом громоздились судочки с едой и еще какая-то посуда.

Иван хмыкнул. Значит, его питательный сон был, так сказать, некоторым образом явью... Интересно...

– Одевайтесь, – сказал профессор и жестом указал на стул, на котором была развешена одежда.

Иван встал с кровати, с радостным удивлением чувствуя, как его тело движется легко и свободно, без малейших последствий долгого лежания и предшествующих лежанию тяжелых травм. Он взялся за одежду и обнаружил, что она представляла собою полный комплект черной эсэсовской формы: в петлицах красовались знаки различия, долженствующие обозначать гауптштурмфюрера. Иван посмотрел на профессора.

Тот ласково улыбнулся в ответ: глаза его стали как щелочки.

– Понимаю, понимаю вас, – произнес он и сочувственно покивал, – но и вы поймите: не так просто вернуть все ваши многочисленные награды! Потерпите немного, и все вернется на свои места...

Видимо, Иван не совсем сумел совладать со своим лицом, потому что профессор улыбнулся еще ласковее, похлопал его по плечу и сказал:

– Полно, полно, дорогой барон, не огорчайтесь вы так... Потомок столь древнего рода и такой доблестный солдат, как вы, не должен обращать внимания на такие в принципе мелочи... Да неужели вы не все еще вспомнили?

Иван сделал неопределенный жест рукой и скорчил еще более неопределенную гримасу. Барон, говоришь..., ну-ну.

– Собирайтесь, наш дорогой герр Кляйн уже ждет. Пока мы тут за вами ухаживали, он провел кое-какое расследование – по поводу вас... уж извините его: служба такая. Так что если события прошлого еще не полностью восстановилось вас в памяти, то он сейчас освежит ее. В смысле – память.

Последняя фраза прозвучала несколько зловеще: Иван внимательно посмотрел на профессора, но тот улыбался все так же ласково. Деваться было некуда, и Иван принялся мрачно напяливать на себя одежду, готовясь к новым неприятностям.

Он быстро облачился; форма пришлась точно впору. Взяв ремень с висевшей на нем кобурой, Иван почувствовал, что в ней что-то есть: он открыл кобуру и извлек оттуда офицерский П-38.

Не меняя выражения лица, Иван проверил оружие, вытащил обойму, действуя как бы машинально. Все оказалось вроде в порядке. Иван слегка повеселел.

Он затянул ремень, поправил фуражку – раз выдали, надо надевать, – и молодецкато щелкнул каблуками до блеска начищенных сапог, оттопырив локти и прижав ладони к бедрам.

Получилось неплохо и даже браво: да здравствует советский кинематограф, усмехнулся про себя Иван.

Профессор с явным удовольствием оглядел новоиспеченного гауптштурмфюрера и сказал:

– Настоящего арийского солдата всегда видать за целую милю. Пойдемте, капитан.

Они вышли из палаты и долго бродили по тускло освещенным коридорам, то спускаясь по лестницам, то поднимаясь снова. На каждом повороте или лестничной площадке обязательно торчал эсэсовец с автоматом и притом в чине, как заметил Иван, не ниже унтерштурмфюрера, то есть лейтенанта: что бы это ни был за объект, он очень серьезно охранялся.

Иван машинально поглядывал по сторонам, а сам при этом думал нелегкую свою думу.

Как бы то ни было, ситуация, в которой он очутился, была весьма непростой: можно даже было сказать, что она представлялась безвыходной.

Вот разве только пистолет есть... а что пистолет, в конце концов?.. Втянули в какую-то непонятную игру..., и еще бароном зачем-то обзывают. Будем действовать по обстановке, решил Иван, потому что больше ничего придумать не смог: тут они как раз и пришли.

Профессор остановился возле массивной двери, нажал кнопку в стене, и дверь бесшумно отъехала в сторону.

Кугельсдорф сделал приглашающий жест, пропустил Ивана вперед и вошел следом. Дверь за ними закрылась.

В помещении стоял большой стол, заваленный какими-то папками и бумагами. Еще там были три стула, на одном из которых восседал оберштурмбаннфюрер Кляйн. Он курил, пуская дым колечками. Иван вскинул руку и гаркнул:

– Хайль Гитлер!..

– Хайль, – несколько небрежно отозвался оберштурмбаннфюрер.

Профессор обошел Ивана и тоже уселся на стул.

– Присаживайтесь и вы, капитан, – любезно сказал он.

– Гауптштурмфюрер, – поправил его Кляйн и затушил сигарету в массивной пепельнице, выполненной в виде черепа. – Мы все-таки в СС...

Он вдруг усмехнулся.

– Кстати, – произнес он, глядя на Ивана, – могу вас поздравить: очевидно, совсем скоро вы будете уже штурм-баннфюрером...

– Да неужели? – обрадованно воскликнул профессор. – Документы уже представили?

Кляйн кивнул.

– Это за экспедицию?..

Кляйн еще раз кивнул.

– И за нее тоже... Впрочем, – он посмотрел Ивану прямо в глаза, – обо всем по порядку, если не возражаете.

Иван не возражал. Он просто стоял себе и никого не трогал.

– Вы знаете, – доверительно наклонился к эсэсовцу профессор, – наш дорогой барон так и не оправился, по-моему, от амнезии...

– Да? – слегка приподнял бровь Кляйн, – Ну, тогда тем более начнем сначала.

Он выудил из пачки новую сигарету, прикурил, выпустил клуб дыма и, сказав: "Да садитесь же, барон", откинулся на спинку стула. Ивану закурить он не предложил, зараза такая.

Иван помедлил, не решаясь присесть, но потом подумал, что дожидаться третьего приглашения просто глупо, и поэтому опустил на стул, решив начать привыкать к новому непривычному титулованию.

– Итак, – заговорил Кляйн, – что вы помните из своего прошлого?

– Ничего, – почти что честно сказал Иван.

– Детство, юность?..

– Нет...

– А недавнее прошлое?..

– Ну, – осторожно произнес Иван, – я помню, что был офицером СС... кажется, гаупт-штурмфюрером..., и...

Он умолк. Кляйн и профессор выжидательно смотрели на него.

– И?..

– И все, – решительно сказал Иван. – Больше ничего.

Немцы переглянулись.

– Н-да, – с сожалением произнес Кляйн.

– А я-то на вас надеялся, профессор.

Тот смущенно пожал плечами.

– Мы пока не всеильны, дорогой оберштурмбаннфюрер, – сказал он. – Видимо, шок был очень силен.., но это пройдет, уверяю вас.

Эсэсовец молчал, пуская паровозные струи дыма из ноздрей.

Молчал и Иван, чувствуя свою полную непричастность к происходящему.., и в то же время ощущая, что каждое его движение, каждый жест или взгляд весомы, от них зависит многое в этом чужом мире, что все предопределено ранее в той же степени, в какой решается и сейчас...

Это было очень неприятное ощущение: как будто все внутри зачесалось, засвербило и сместилось куда-то в сторону: однако приходилось терпеть.

– Ладно, – произнес наконец Кляйн. – Тогда я буду рассказывать, а вы меня поправите, если что вспомните. Иван несколько уныло кивнул.

– Вас зовут Курт фон Штайнхорст, – сказал Кляйн. – Вы родились в октябре одна тысяча девятьсот семнадцатого года в знатной семье..., по материнской линии вы, кстати, приходитесь дальним родственником Кларе фон Унрух, матери генерал-майора Генриха фон Лютвица, однако близких родственников у вас, увы, не осталось. В СС вы с тридцать восьмого года, в партии – с тридцать седьмого: в работе проявили себя с самой лучшей стороны. Шутка ли –

многочисленные личные благодарности фюрера... в двадцать три года из рук вождя нации вы получаете рыцарский крест..., и вообще!..

Кляйн покрутил головой и потушил сигарету.

Иван смотрел на него, открыв рот. Он ничего не понимал.

Кляйн перехватил его взгляд.

– Вы спросите, конечно, откуда мне все это известно? – усмехнулся он. – Это было несложно... Когда вы упомянули об экспедиции во льды..., мы тоже о ней кое-что знали... и поэтому просто воспользовались архивом. Вот, – сказал он, открыл одну из лежащих перед ним папок, достал оттуда пачку фотографий и передал их Ивану.

Тот взял их с некоторой дрожью в руках. Дрожь появилась не зря; сюжет оказался лихо закручен. Иван перебирал снимки, не веря своим глазам.

Вот он сам, собственной персоной, стоит на мостике субмарины – улыбка до ушей, в руках – бинокль; вот он на фоне какого-то красивого замка, при полном параде, а руку ему пожимает морской чин с брюзгливым выражением лица и с многочисленными нашивками на рукавах; вот он возле танка, в камуфляже, с автоматом на шее..., танк немецкий, кажется, Т-4... а рядом некий здоровяк с маленькими усиками и каким-то нарочитым шрамом на щеке; вот уже Ивану сам фюрер прищипливает к мундиру какую-то железку... а вот – вешает на шею другую;

Иван, кажется, доволен, и железок у него уже много; вот он в компании каких-то хмырей в черной эсэсовской форме, а рядом – пулемет... и трупы; а вот Иван опять на мостике субмарины, в обнимку с неким ухарем: ухарь и Иван – оба в форме капитан-лейтенантов Кригсмарине...

– Но ведь я – не моряк, – слабым голосом проговорил Иван.

Кляйн посмотрел на снимок.

– Ах это.. – сказал он. – Это вы в гостях у Гюнтера Прина. Только что получили Дубовые листья к Рыцарским Крестам. Последний ваш снимок, кстати.

– Но почему?..

– Конечно, вы не моряк, – терпеливо сказал Кляйн. – Однако перед походом в Антарктику вам пришлось кое-чему поучиться...

У Ивана голова пошла кругом.

– Какая Антарктика? – чуть было не застонал он. – Чего я там забыл? Как я туда попал?.. Кляйн и профессор переглянулись.

– Вы что же, ничего не помните? – недоверчиво спросил оберштурмбаннфюрер.

– Ничего...

– И про плавание все позабыли, и про экспедицию? – продолжал допытываться Кляйн.

– И про то, и про другое...

– Ну хоть базу-то вы помните? – уже несколько раздраженно спросил Кляйн.

– Какую базу? – обреченно произнес Иван.

– Да база Юбург же, в Антарктиде! Вас же лично фюрер потом благодарил!..

Ивану только и оставалось, что развести руками. Кляйн посмотрел на Ивана, потом на профессора. Тот лишь сокрушенно покачал головой.

– Да, – произнес Кляйн.

– Это плохо. Конечно, вам надо бы отдохнуть по такому поводу, но..., увы, время, к огромному сожалению, не терпит. Потом мы еще вернемся к вашему прошлому... а пока только скажу: вы были участником и одним из руководителей секретнейшей и имеющей огромное значение для рейха и нации экспедиции в Антарктиду. В принципе занимался ею другой отдел, не наш, но результаты этой экспедиции нас тоже живо интересовали... Короче: вы туда сплавали, все сделали как надо, вернулись в рейх, а потом отправились назад, чтобы продолжать исследования. Во время проведения планового эксперимента там произошла авария, и вы погибли...

Иван издал горловой звук.

– То есть, конечно, как теперь мы понимаем, вы пропали без вести, – поправился Кляйн.

– Наша.., то есть профессора фон Кугельсдорфа.., лаборатория проводила параллельный, так сказать, то есть что это я.., подобный, в смысле, эксперимент, во время которого также произошла крупная авария: погибли несколько человек, все сгорело, буквально ничего не осталось, но зато посреди огня и обломков обнаружился некто без сознания и одежды, то есть – вы.

Кляйн сделал эффектную паузу. Иван молчал, пытаясь понять его. Эсэсовец увидел, что пауза не возымела должного эффекта, и решил продолжить.

– Поначалу, конечно, мы всполошились, – сказал он. – Шутка ли – такие неувязки. Но потом, как вы уже знаете, я просто догадался обратиться в архив, и – фотографии перед вами.

Он снова замолчал и посмотрел на Ивана. Иван пока говорить не собирался.

– К сожалению, с Юбургом связаться мы не можем, во всяком случае, в ближайшее время, которое, как я уже сказал, не терпит. Поэтому вы будете участвовать в нашем эксперименте...

– А что за спешка? – задал Иван резонный вопрос. – Почему нельзя подождать?

Кляйн покивал.

– Ваше любопытство объяснимо, – сказал он. – Все остальное расскажет профессор... Прощу вас, герр фон Кугельсдорф.

Тот откашлялся, посмотрел на Ивана своими пустыми глазами и заговорил:

– Дело в том, дорогой Курт.., вы разрешите вас так называть?.., спасибо... так вот, дело в том, что десять лет назад одно из подразделений наших специальных служб обнаружило старинный архив.., очень необычный архив, если его так вообще можно назвать. Но это сейчас не важно... как и обстоятельства находки. Там было много всего любопытного... но особенно нас заинтересовал текст одного автора десятого века, который незадолго до того, как стать римским папой, и за четыре года до своей смерти опубликовал свой труд, где подробно описывался некий талисман: откуда он, зачем он, как им завладеть и как его применить... Жутко, знаете ли, интересно читать – особенно если вверх ногами... датировка хороша. Кстати, – профессор хмыкнул, – текст этот был напечатан на превосходной бумаге, которую мы и сейчас не в состоянии сделать... Так что вполне возможно, что и не будущий папа его писал...

– Ну и что? – не выдержал Иван. – Может, и правда новодел. Мистификация.

– Архив был захоронен не позднее первого века нашей эры, – веско сказал профессор.

– А как же... – начал Иван, но тут же замолчал. – Продолжайте, – попросил он.

– Архив был захоронен не позднее первого века нашей эры, – повторил профессор, – хотя большинство из составляющих его трудов созданы значительно позднее. Нашли архив в Палестине. Там было много рукописей, в том числе и на языках, современной науке неизвестных. Когда архив вывозили в рейх, четыре человека погибли при странных и страшных обстоятельствах. Один, к примеру, начисто сгорел, не осталось даже пепла; другой ни с того ни с сего на глазах у своих товарищей сгнил заживо в течение нескольких секунд, а бранные останки его тут же начали пожирать невесть откуда взявшиеся огромные черви; третий истек кровью, которая сочилась у него из носа, ушей, глаз, прямо через кожу... а четвертый просто исчез, успев лишь крикнуть.

Профессор умолк.

Иван терпеливо ждал продолжения, хотя рассказ ему показался не слишком убедительным. Вдобавок ему почудилась какая-то издевка в голосе профессора, однако он совершенно не мог понять ее причины; Ивану даже показалось, что профессор издевается не только над ним, но и над Кляйном, который слушал совершенно серьезно, хоть и со свойственным ему несколько брюзгливым выражением на холемом лице.

– Так вот, – продолжал профессор, – в этом самом отпечатанном тексте говорилось о многих сакральных вещах, но нас заинтересовал только этот талисман. Когда-то он был единым

целым, но потом был разъят, и девять его частей передали девяти различным людям: люди эти были славнейшие из рыцарей. Как это там сказано... "...и был день, и была ночь: и не было ночи, и не было дня... И была звезда, земная и небесная, и рога ее, и стрелы ее, и сердце ее сотканы будут; и была она в руках ангела, и сошед воитель воинства горнего... рыцари земные же ее разъяли, и победа с тех пор их не покидала... А кто вновь отдаст ей плоть небесную, тот победой в битве грядущей на полях огненных осиян будет; и святой Георгий да поможет ему..."

– А перевод чей? – поморщился Иван.

– Мой, – слегка удивился профессор. – А что?

– Да так, ничего, – сказал Иван. – Простите, я перебил вас. Продолжайте, пожалуйста.

Кляйн укоризненно посмотрел на него, а фон Кугельсдорф невозмутимо продолжил:

– Так вот. Для того чтобы тысячелетний рейх одержал победу в величайшей войне в истории, для того чтобы весь мир стал Священной национал-социалистской империей германской нации, нам нужен этот самый талисман. Мы должны собрать девять его частей в единый кулак... то есть в одно целое. Собственно; нам требуются даже не все девять частей: девять славнейших, носители малых талисманов, группируются в три триады, каждая из которых обладает определенным качеством, а один из рыцарей триады является носителем этого качества. Таким образом, изъяв части талисмана у этих носителей, мы будем иметь силу всей триады.

– И кто ж такие эти ваши рыцари? – с некоторым интересом спросил Иван.

– К примеру – невозмутимо произнес профессор, – Иисус Навин, потом Александр Македонский...

– Подождите, подождите, – ошеломленно произнес Иван. – Какой такой Македонский?..

– Обыкновенный, – пожал плечами профессор. – Царь.

– Не понял, – сказал Иван и посмотрел на Кляйна. Тот утвердительно кивнул – все, мол, чистая правда. "Они психи", – решил Иван, но все же спросил:

– И как же вы собираетесь утащить у них этот самый талисман?

– Наша лаборатория, – веско сказал профессор, – занимается абсолютным вакуумом... и путешествиями во времени.

Вот те раз. Иван откинулся на спинку стула. А впрочем, почему именно психи? Сам-то он... а?

– Ну хорошо, – сказал он, решив не удивляться. – А я, собственно, тут при чем?

Профессор подтянул к себе один из фолиантов, лежащих в куче бумаг и папок на столе, и стал его перелистывать, при этом бормоча:

– Понимаете, Курт... да где же это?.. мы очень тщательно производим отбор в группу, которая отправится за талисманом... Нам не хватало только одного человека... а, вот!.. Посмотрите...

Он открыл какую-то страницу и пододвинул фолиант к Ивану. Тот взглянул.

Да, это была бумага... хоть и какая-то необычная. Странный шрифт... ничего не понять – что за язык, интересно?..

– Ничего не понимаю, – сказал Иван. – Что это такое?

– Это тот самый текст, – терпеливо сказал профессор.

– Ну и что?..

– Вы на картинку посмотрите...

Иван посмотрел. Картинка, похожая на миниатюру из средневековых рукописей, изображала всадника в рыцарских доспехах, но без шлема и меча, на вороном коне. Белые длинные волосы всадника развевались по ветру, на лице, обращенном к зрителю, застыло холодное и даже несколько жестокое выражение, взгляд синих глаз был совсем уж ледяной. Здоровенный детина не вызывал приязни.

Иван пожал плечами.

– Ну и...

Он осекся.

– Это тот, без кого нам не обойтись, – сказал профессор. – Посмотрите – у него даже шрамик..., такой же...

Иван машинально потрогал веко. Действительно...

– Кстати, на последних фотографиях у вас этого шрама нет, – подал голос Кляйн. – Видимо, он появился у вас недавно, так?

– Да нет, – механически произнес Иван, – это...

Он умолк и посмотрел на немцев.

Профессор ласково кивал, Кляйн вид имел торжественный.

– Вы это..., серьезно?..

– Да, – решительно сказал Кляйн.

– Мы... всего нас будет двенадцать... отправляемся в прошлое.

– И когда же? – безнадежно спросил Иван. Кляйн посмотрел на часы.

– Да вот..., уже через час. Все готово.

– Однако у вас..., быстро.

– А чего ждать? – спросил Кляйн и поднялся. – Отечество в опасности.

– Действительно, – поддержал его профессор.

– Чего ждать? Переодеемся вот, сандалии только наденем – и вперед.

Иван посмотрел на него, однако фон Кугельсдорф не шутил.

– А когда мы вернемся? – спросил Иван.

– Когда соберем весь талисман, – ответил профессор и тоже поднялся. – Наша машина, так сказать, времени... хотя она на машину вовсе даже и не похожа... так вот, она запрограммирована следующим образом: как только кто-то из нас прикоснется к части талисмана, все... кроме мертвых конечно..., отправляются в следующий пункт по программе – и так далее...

– А талисман куда денется? – спросил Иван, вставая со стула. – С собой его будем таскать, или он сюда переносится?

– Видите ли... – в затруднении начал профессор. – По всем нашим расчетам часть талисмана, пока не собраны все эти части, должна повиснуть в пустоте, в абсолютном вакууме, хотя это состояние и не совсем вакуум..., впрочем, я вам не буду морочить голову рассказами об эфирном ветре и реликтовом излучении. Так вот, только потом, когда уже все будет сделано, талисман целиком вернется вместе с нами сюда.

– И насколько вы уверены в успехе? – поинтересовался Иван.

– Совершенно, – решительно сказал оберштурмбаннфюрер. – Солдаты фюрера не могут потерпеть поражения в решительной битве!

У Ивана были сильные сомнения и по этому поводу, и по всем остальным, однако он счел за благо промолчать.

– Пойдемте же, – поторопил профессор. – Нам скоро отправляться.

Они вышли в коридор.

Запрограммирована, думал Иван, шагая вслед за немцами. Слова-то какие... машина времени... Я вам покажу...

– Вы что-то сказали? – внезапно обернулся профессор.

Иван даже растерялся.

– Нет...

– Это хорошо, – произнес профессор, и черная мерзкая пустота его глазами снова посмотрела на Ивана, заставляя кружиться голову.

Иван стиснул зубы, но глаз не отвел. Профессор приятно улыбнулся, и пустота на время отступила. Ох не прост был этот профессор с дурацким именем, ох не прост...

Через какое-то время они оказались в непонятном полутемном помещении; где было жарко, сухо и пахло почему-то канифолью. Они переоделись: какие-то льняные грубые тряпки – как пояснил профессор, "куттоны", – корявые сандалии, и все.

Иван равнодушно глянул на девятерых незнакомцев из спецотряда СС – ничего мужики, крепкие, были даже и почти с него ростом, а это все-таки метр девяносто: однако Иван смотрел на них спокойно, понимая, что каждого из этих бойцов он может удавить хоть голыми руками, и непременно сделает это, когда понадобится. Он – солдат, а они – его враги: поэтому они обречены. Внезапно он почувствовал предательскую слабость; багровая муть подступила со всех сторон, в ушах застучали веселые молоточки: негромко, мерно, не спеша.

Все вокруг закружилось; молоточки застучали громче, откуда-то возникший звон заполнял все кругом, становясь нестерпимым и невыносимым.

Какие-то огни метались в белой пляске перед глазами, все убыстряя и убыстряя свой танец. Иван чувствовал, что валится в небытие – раздирая миры и пространства, – по ту сторону сознания: он попытался вдохнуть ледяной воздух – грудь распороти огненным мечом; потолок приближался, грозя придавить и больше уже никогда и никуда не отпускать:

Иван из последних сил хотел крикнуть – и провалился в грохочущее никуда...

Когда расступилась мгла, окутавшая все вокруг, пылью и дымом заслонившая весь мир, на секунду заменившая собою под ногами остатки земной тверди, Иван, чувствуя, как нестерпимо скоро бьется его сердце, увидел жаркое синее небо, лениво плывущих в вышине коршунов, выжженную равнину и город, стены которого, сложенные из белого грубого камня, виднелись вдали.

– Иерихон, – услышал он странно низкий голос профессора. – Вот он, великий город Иерихон.

Иван посмотрел на Кугельсдорфа.

Лицо профессора без очков казалось странно изменившимся и совсем незнакомым. Сжав губы и сузив глаза, он смотрел в даль.

Иван посмотрел на остальных.

Все стояли, вытянув шеи, и неотрывно глядели туда, где за мутной рекой, неспешно несшей свои воды к недалекому морю, находился город, прах которого был давно сметен с лица земли и от которого остались лишь слова, сказанные о нем...

Иван судорожно вдохнул сухой, нестерпимо чистый воздух.

Он остро чувствовал свою чужеродность в этом словно бы придуманном, полуреальном мире.

Или наоборот – они были нереальны здесь, двенадцать пришельцев из другого века... из другого даже мира, как вдруг подумал Иван, внезапно ощутив резкое, как порыв ледяного ветра, осознание мистического вторжения в ткань бытия здешней Вселенной... горсточка чужаков, пришедших издалека, явившихся сюда с сугубо корыстными целями.

– Так что же, профессор, – раздался холодный голос Кляйна. – Все прошло удачно? Мы попали туда, куда нам было нужно?

Иван посмотрел на него.

Эсэсовец выглядел тоже непривычно без своей обязательной черной формы, но держался он так же, как и прежде, – бесстрастный взгляд, в лице – надменная брезгливость, позвоночник гнуться никак не желает.

Интересно, почему он не носит монокль, подумал Иван. Монокль был бы очень даже в тему..., вот кого стоило бы называть бароном – если бы, конечно, был монокль.

Иван энергично потряс головой. С мыслями его что-то было не в порядке. Они разбежались, как тараканы на московской прокуренной кухне..., включишь свет – и пруссаки в рассыпную кто куда.

Неудачное сравнение, с сожалением подумал Иван. Этот пруссак так просто не сбежит..., к тому же он не рыжий, а белокурый. Бестия.

– Так что же, профессор? – повторил не ведавший о бродящих в голове лжебарона метафорах Кляйн. – Вы не ответили на мой вопрос.

– Да-да, – произнес фон Кугельсдорф рассеянно. – Конечно...

Иван с интересом глянул на него. Тоже, видишь ли, задумался...

– Что – "конечно"? – довольно резко сказал Кляйн. Профессор встряхнулся и посмотрел на него.

Иван с удивлением отметил, что всегдашняя пустота в глазах светила арийской науки куда-то отступила, спряталась.

– Мы попали туда, куда хотели, – спокойно сказал профессор. – Год одна тысяча сто восемьдесят девятый от Рождества Христова. Мы неподалеку от города Иерихона, который скоро падет, взятый войсками непобедимого Иисуса Навина, великого вождя иудейского народа...

– Ну, про иудеев, пожалуй, не стоит, – недовольно перебил его Кляйн. – Не надо вот только про иудеев-то!..

Профессор с легкой усмешкой посмотрел на него, но промолчал.

– А что мы будем тут делать? – спросил Иван.

– Пойдем к этим самым... войскам?

– Нет, – повернулся к нему профессор. – Нам стоит лучше пойти в город.

– Почему?

Профессор не успел ничего ответить.

Неожиданно по дул сильный ветер, небо начало меркнуть: только что оно было ярко-синим, и вот уже стало лиловым, потом – фиолетовым; где-то высоко полыхнуло что-то ярче молнии: один раз, другой...

За их спинами, в стороне, противоположной городу, загрохотало. Иван повернулся туда, и тут же яростный порыв ветра сбил его с ног. Упали и все остальные, будучи не силах устоять. Трава полегла, как скошенная; прямо рядом с Иваном глухо ударилась оземь какая-то птица, сброшенная вниз налетевшим вихрем...

Иван с трудом поднял голову и увидел, как на холм, находившийся от них в двухстах шагах, прямо с неба опустился столб ярко-желтого света, пробив чудовищную тучу, закрывшую все вокруг; природа потеряла свои краски, все стало чересчур ярким, плотным, осязаемым; воздух затвердел и трава покорно застыла, не сумев выпрямиться...

Иван глянул на город.

Белых стен уж не было видно: они посерели, истаяли, потеряв свою осязаемость; но Иван почему-то знал, что город пока остался на месте, никуда не делся, и что его просто не видно из-за тьмы и света, льющихся с небес...

Тогда он стал глядеть на холм.

Краски, дойдя до нестерпимой для человеческого глаза степени яркости, немного побледнели, и Иван различил две фигуры, стоящие на вершине холма.

Вот одна из фигур преклонила колени, а другая... Иван ощутил Сильное жжение в глазах...

– Не смотрите туда!.. – услышал он вдруг крик профессора, донесшийся до него сквозь рев ветра. – Все закройте глаза!..

Иван зажмурился изо всех сил, но свет, идущий со стороны холма, был настолько ярким, что без усилий проникал сквозь веки; глаза ожгло пламенем, и Иван уткнулся лицом в траву, стараясь вжаться что было мочи и скрипя зубами от боли.

Над головою грохотало, трещало, завывало; воздух сгустился и тяжким грузом навалился сверху.

Иван ощутил паническое отчаяние, он оказался один перед буйством небесных сил и красок: он был исчезающе мал, бессилен и ничтожен. Мир уходил прочь, мир уходил огромными шагами куда-то в сторону, не замечая ни его самого, ни его отчаяния: он уже ушел, этот мир, забрав с собою слова, крики и запахи: казалось, еще секунда – и ткань времен разорвется насовсем..., и вдруг все прекратилось. Наступила тишина.

Прошло бесконечное мгновение, и словно звук немислимого гонга прозвучал над землей. Стих ветер, исчезла тьма вместе с тучей: воздух потерял твердость и стал текуч и свеж.

Немного погодя Иван решился открыть глаза. Он осторожно приподнял голову и увидел, что в мир вернулись прежние, привычные уже краски. Исчез столб света, подпиравший небо, которое снова стало просто ярко-синим, холм стал обычным холмом, и по его склону вниз не спеша шел босой человек, уходя прочь от города.

Иван с трудом, в три приема, поднялся и остался стоять на трясущихся ногах. В голове шумело. Остальные тоже начали потихоньку шевелиться и подниматься. Долго еще все молчали, напряженно глядя на вершину холма. Первым обрел ясность солдатской мысли оберштурмбаннфюрер. Очевидно, его ничто не могло смутить.

– Профессор! – требовательно сказал он. – Может быть, вы объясните, что здесь происходит?

Фон Кугельсдорф ничего не ответил, обведя все вокруг взглядом, полным мрачного безумия.

– Не слышу ответа, – нетерпеливо сказал Кляйн, и Иван невольно поразился крепости его нервов.

– А?.. Что?..

Профессор с силой потер лицо, опустил руки и некоторое время постоял с закрытыми глазами: потом открыл их и посмотрел на Кляйна. Взгляд его прояснился.

– В Библии сказано, – сказал он довольно спокойно, хотя и несколько придушенным голосом, – что когда Иисус Навин готовился штурмовать Иерихон, то в окрестностях города он встретил ангела Божьего... Мы только что видели это.

– Хорошо, – невозмутимо произнес Кляйн. – Следующие наши действия?..

Профессор хотел было что-то сказать, как внезапно послышался шум и треск, и из-за густых зарослей кустарник вылетел десяток вооруженных всадников. На долю секунд приостановившись, конные ринулись на чужаков. Профессор слегка встревожился.

– Это городская стража! – крикнул он. – Всем стоять на месте! Поднять руки! Атакуем по моей команде!.. – негромко, но очень слышно приказал Кляйн не дрогнув ни одним мускулом лица.

Несколько секунд – и всадники окружили пришельцев угрожающе наставив на них короткие копы. Немцы спокойно стояли, подняв руки. Кляйн сделал шаг вперед.

Всадник в малиновом одеянии и с толстой золотой цепью на груди – видимо, начальник стражников, – что-то угрожающе пробурчал и занес свое копьё над головой оберштурмбаннфюрера.

Кляйн совершенно бесстрастно наблюдал, как наконечник копья, блеснув на солнце, стал опускаться, целясь ему прямо в грудь. Выждав мгновение, он сделал быстрый шаг вперед и в сторону, поднырнул под руку противника, схватился за древко и дернул копьё к себе. Не ожидавший этого всадник потерял равновесие и свалился с лошади.

– Бей!.. – крикнул Кляйн, вырывая копьё из рук иерихонца и вонзая его в грудь лежащего.

Иван, не мешкая, схватил за ногу ближайшего всадника, рывком сдернул его с лошади и повалил на землю. Стражник ничего не успел понять, как Иван сорвал с его пояса короткий меч и перерезал ему горло.

Все было кончено за полминуты.

Не ожидавшие такого решительного и жестокого нападения иерихонцы не могли оказать достойного сопротивления и были моментально все убиты. Только один всадник, соображавший быстрее других, ударил тупым концом копья чуть промешкавшего немца, поднял лошадь на дыбы и попытался ускакать. Но и ему не суждено было уйти: один из эсэсовцев подхватил копье и бросил его с такой силой, что оно пробило стражника насквозь, попав ему в спину и выйдя из груди.

Пока добивали раненых и ловили лошадей, Кляйн, вытирая меч о траву, считал трупы.

– Один, два... десять... двенадцать. Лошадей должно хватить на всех. Отлично.

– Что – "отлично"? – брюзгливо спросил стоявший поодаль профессор. – Экий вы, право, мясник, оберштурмбаннфюрер...

– А что такое? – надменно спросил Кляйн, повернувшись к нему.

– А то такое... Это же был архангел Михаил... он дал Иисусу его часть талисмана, а мы..., вы тут...

– Подумаешь, – протянул Кляйн презрительно. – Ну, убили дюжину евреев... или это были не евреи?.. а, все равно – семиты.., ну и что?

– А то, – продолжал брюзжать профессор, – что убили бы кого-нибудь не того... рядом с таким местом... и костей бы потом не собрали. Думать надо иногда, кого можно убивать, а кого нет! Вот из-за таких, как вы, великий рейх в конце концов и...

Он оборвал себя и махнул рукой. Иван с изрядной долей удивления посмотрел на профессора. Какие, однако, странные сентенции... Кляйну профессорова речь тоже не очень понравилась – хоть и по другому, очевидно, поводу.

– Хватит болтать, профессор, – сказал он высокомерно. – Лучше давайте подумаем, что нам делать дальше.

Фон Кугельсдорф недовольно покрутил головой и посмотрел на город.

– Теперь уже понятно, что делать, – сказал он раздраженно. – Переодеваемся в одежду стражников и едем в город. Там продадим лошадей и...

– Подождите, – остановил его Кляйн. – Вы слышите?

– Что?

– Какой-то шум... Что это еще такое?

Иван и остальные повернули головы туда, где за невысокими холмами слышался словно бы грохот морского прибоя. Мерный и пока еще далекий, он становился все явственнее.

– А пойдемте-ка посмотрим, – сказал Иван.

– Да-да, – заторопился вдруг профессор. – Я совсем забыл... Но, может быть, еще не поздно...

Все почти бегом стали взбираться на ближайший пригорок. Иван успел первым и остановился как вкопанный.

Горизонт вдаль вспучился темно-серой массой, волнуясь и поблескивая на солнце пенными искрами. Нестройный гул доносился издалека: он был очень низкий, непонятный и угрожающий. Земля под ногами – или это только показалось? – начала подрагивать.

– Что это? – спросил кто-то со страхом. Иван удивленно повернул голову: до сих пор он воспринимал рядовых эсэсовцев как оловянных солдатиков, как пушечное мясо: оказалось, однако, что они умеют даже говорить.

– Это они, – сказал профессор, и Иван посмотрел на него.

Фон Кугельсдорф стоял и смотрел, прикрывшись рукой от солнца, на оживающую равнину.

– Это войско сынов Израилевых, – медленно произнес профессор, а Иван, совершенно неожиданно для себя, добавил: – "И было их числом около сорока тысяч, и перешли они перед Господом на равнины Иерихона, чтобы сразиться..."

Словно какая-то дымка застлала мир вокруг него: как во сне, видел он остановленную реку, столб света и камни: ветры проносились над его головой, не трогая остальных, и различил он голоса, неслышимые другими...

"Да что такое со мной?!" – по-настоящему испугался Иван и вдруг уловил цепкий, нечеловечески внимательный взгляд профессора, в котором светилось торжество и затаенная угроза...

Это длилось недолго. Короткий вздох – и все просветлело: голоса умолкли, и Иван ощутил мимолетную жалость, сожаление, тоску и непонятную тревогу.

Профессор все смотрел на него. Потом он мотнул головой и повернулся к Кляйну.

– Да, это войско Иисуса Навина, – сказал он спокойно. – Теперь лошади нам очень пригодятся – нам надо попасть в город..., если уже не поздно.

Они и впрямь еле успели. Быстро собравшись и переодевшись, их маленький отряд галопом поскакал в сторону городских ворот.

Профессор обнаружил недюжинную выдержку, сумев, не вызвав подозрений, объясниться при въезде в город и рассказать о приближающихся полчищах врага.

Впрочем, о подходе неприятеля все уже знали.

В городе царила суматоха. Все ворота были спешно закрыты; на крепостной стене появились усиленные отряды стражников, напряженно всматривавшихся в даль. Огромное войско подошло к городу и стало лагерем подле него.

Немцы действовали спокойно и деловито. Они разбились на три группы и разошлись по городу, договорившись встретиться в определенном месте в условленный час. Место встречи выбрал Иван, предупредив всех, что изменить его нельзя. На закате они встретились.

Все прошло благополучно, трофейных коней продали, выручив за них кучу денег: лошади и впрямь были хорошие. Купили они и одежду, которая была в моде у местного торгового люда.

Обошлось без эксцессов. Хотя новоприбывшие внешне и отличались от коренных граждан города, однако не настолько, чтобы вызвать подозрения, к примеру, лиц нордического вида здесь оказалось, к удивлению Ивана, предостаточно, так что разве что рост дюжины заморских гостей мог повлечь кривотолки, однако, в конце концов, местные боги вряд ли могли запретить расти кому-то ввысь, сколь душе угодно.

На улицах было как-то беспокойно: в городе царило напряженное ожидание штурма.

– Мы должны провести здесь еще шесть дней – если верить тому, что написано в Библии, – говорил негромко профессор. – А не верить Книге оснований нет... Иерихон будет взят на седьмой день..., после того как падут его стены... Вы сами видели, как ангел сошел с небес и обратился к Иисусу, сыну Навина: все так, как было описано... или почти так. Иерихон будет разрушен. Нам нужно будет уцелеть и проникнуть к талисману...

Иван слушал профессора, но слова доходили до него, как из-под воды. Весь день он чувствовал себя странно. Словно некая раздвоенность овладела им. Временами мир казался осязаемым и реальным, временами же налетало ощущение расплывчатости, эфемерной зыбкости окружающего, он видел все как будто со стороны – себя, своих спутников, жителей города... ту женщину, с которой он столкнулся на рынке и которая посмотрела на него так, что закружилась голова, и он вдруг до неприятного резко ощутил предопределенность настоящего – будто в сотый раз играл чужую роль в набившей всем оскомину старой пьесе... Только вот текст, как назло, забыл. Та женщина никак не желала уходить из его мыслей. Кто она, почему так отчаянно посмотрела на него?.. Почему не раз и не два оглянулась, когда он смотрел ей вслед, объятый холодным пламенем предвкушения неведомого?.. Причем это было не предвкушение веселой интрижки с хорошенькой дамой, любовных игр и лихих гульбищ – нет, хотя она и была вызывающе красива..., это было так, словно посмотрел в зеркальный колодец, в кото-

ром уместились века и пространства, прошлое и будущее... и для настоящего место там тоже нашлось. Путешествие в непонятное позавчера. Или – просто сон?..

– Но нам надо где-то ночевать, – услышал Иван голос Кляйна. – Мы не можем оставаться под открытым небом: это опасно – заметит стража и примет за шпионов.

Эсэсовец рассуждал, как всегда, здраво.

– Да-да, – пробормотал профессор. – Ночевать нам где-то надо...

Он почему-то пристально посмотрел на Ивана. Иван отвернулся. Начинаются загадки, черт бы их побрал.

Они стояли недалеко от крепостной стены. Смеркалось, как это всегда бывает на юге, быстро, и очертания глинобитных домишек, жавшихся подле стены, а то и вовсе – прямо в ней, постепенно теряли определенность и четкость, обрастая выпуклыми серыми тенями.

– Надо искать постоянный двор, – решительно сказал Кляйн. – Мы ведь можем это сделать?

– Конечно, – легко сказал профессор. – Денег у нас, во всяком случае, хватит.

– Ну так пойдемте быстрее, – нетерпеливо сказал Кляйн. – Скоро совсем стемнеет...

– Пошли, – согласился фон Кугельсдорф, не трогаясь с места.

– В чем дело? – посмотрел на него Кляйн. – Ведите нас...

– Почему я? – с легкой усмешкой спросил профессор. – Пусть лучше он...

И Кугельсдорф кивнул на Ивана. Иван ждал чего-то подобного.

– С чего это вдруг? – спросил он невозмутимо. – Ведь вы, профессор, лучше меня знаете и эту эпоху, и этот язык... Он осекся.

– Ну-ну, – подбодрил его профессор. – Продолжайте.

Иван молчал.

– А ведь действительно, – медленно удивился Кляйн.

– Ведь вы, Курт, свободно говорили на местном языке. Мы-то его учили... и, кстати, как оказалось, довольно плохо..., а вы разговариваете совершенно свободно!.. Как это понять?

Иван пожал плечами.

– А никак, – сказал он. – Откуда я знаю?.. Это все ваши..., эксперименты...

Вообще-то это была чистая правда.

– Все нормально, – весело сказал профессор. – Это абсолютно нормально, дорогой обер-штурмбаннфюрер... Ведите нас, Курт.

Посторонние голоса зазвучали в голове Ивана с новой силой. Он скрипнул зубами и направился к первому попавшемуся домишке. Его закачало. Он почувствовал, как холодный ветерок дует ему прямо в лицо, но краем сознания понимал, что это не более чем иллюзия. Почему-то он вспомнил, как читал где-то, что подобные симптомы чувствуют больные эпилепсией незадолго до начала сильного приступа болезни.

Я вам покажу, злобно подумал Иван, и решительно забарабанил кулаком в дверь дома. Почти тотчас же дверь распахнулась. Он невольно отступил на шаг. На пороге стояла та самая женщина, которую он встретил днем. Она удивленно подняла брови. Потом улыбнулась. Женщина была красива. Волна темных густых волос, тонкое смуглое лицо... высокий чистый лоб, огромные черные глаза – в пол-лица, а то и больше..., прямой точеный нос, нежный румянец на скулах, яркий чувственный рот... быть может, даже слишком чувственный. Прямые тонкие плечи, крупная, вызывающе высокая грудь, узкая талия и широкие азиатские бедра.

– Я тебя видела сегодня, чужеземец, – низким голосом сказала она, обволакивающе улыбаясь. – Чего же ты хочешь?..

– Я и мои товарищи ищем ночлег, – промямлил Иван, чувствуя затылком взгляды немцев. – Мы заплатим – и много...

Она перестала улыбаться. Посмотрела на Ивана оценивающе.

– А сколько же вас?

– Со мной – двенадцать....

Она нахмурила брови, что-то соображая. Снова улыбнулась – на этот раз лукаво.

– Ну что же, входите, – сказала она, отходя в сторону. – Зачастили в дом Рахавы чужеземцы...

Иван услышал за спиной странный смешок. Он оглянулся. Позади него стоял профессор с непонятной гримасой на лице – не то злобной, не то торжествующей, не то печальной... Увидев, что Иван на него смотрит, он отвел глаза и подтолкнул его в спину – входи, мол, не задерживайся. Иван вошел в дом. Они сидели за широким грубо сколоченным столом и ужинали. Трапеза была нехитрой – жареное мясо, лепешки и вино. Кроме них, народу в зале не было. Женщина, впустившая их и оказавшаяся хозяйкой этого постоянного двора, куда-то ушла.

Иван молча ел, мрачно поглядывая по сторонам. Кляйн с брезгливой гримасой жевал лепешку, профессор потягивал вино из глиняной кружки и мечтательно, как показалось Ивану, глядел куда-то в даль. Остальные насыщались вдумчиво и аккуратно, тщательно пережевывая пищу, как и положено хорошим солдатам.

– Итак, профессор, – сказал Кляйн, с трудом проглотив последний кусок своей лепешки, – напомним, сколько нам еще здесь находиться?

Фон Кугельсдорф посмотрел на него.

– Еще шесть дней, – сказал он. – На седьмой Иерихон будет взят штурмом.

Он допил вино, поставил кружку на стол и добавил:

– И все жители города будут убиты. Все до одного.

– Прекрасно, – кисло сказал Кляйн. – Что будут убиты – это, конечно, правильно, не спорю: я и сам бы так сделал. Но мы, мы-то что делать будем?

– А нам по милости барона фон Штайнхорста ничего не грозит, – весело сказал профессор и налил себе еще вина.

Иван перестал жевать и с удивлением посмотрел на него.

– Как это? – не понял Кляйн. – При чем тут Курт?

– А при том, что именно он выбрал столь удачное место для проживания.

– И чем же оно удачное? – насмешливо спросил Кляйн.

Профессор отхлебнул из кружки и осуждающе покачал головой.

– Плохо, – сказал он. – Никуда не годится.

Кляйн обратил свой брезгливый взор на кувшин с вином.

– Это я не о вине, – сказал профессор. – Это я о вас, дорогой оберштурмбаннфюрер.

– То есть? – надменно спросил Кляйн и выпрямил и без того до деревянности прямую спину. – В чем дело?

Профессор весело хмыкнул.

– А в том, уважаемый герр Кляйн, – сказал он, явно развлекаясь, – что вы плохо готовились к нашей экспедиции.

– Не понял, – одеревеневшим подобно спине голосом произнес Кляйн. – Объясните, герр профессор.

– Если бы вы внимательно слушали меня раньше или хотя бы прочитали все, что нужно, то происходящее здесь не вызывало бы у вас такого детского недоумения. Я понимаю – ваши головорезы, но вы-то, вы – вроде образованный человек...

– Короче, профессор. – В голосе эсэсовца дерево уступило место стали. – Я не позволю вам оскорблять ни меня, ни моих солдат. Они – это лучшее, что могли дать Люфтваффе и СС, а я...

– А действительно, – перебил его Иван. – Профессор, мне тоже интересно, в чем я тут вам помог?

Фон Кугельсдорф вздохнул – как показалось Ивану, несколько лицемерно.

– Значит, и вы, Курт, не понимаете...

Он вздохнул еще раз, но, бросив взгляд на надутого Кляйна, заговорил:

– Иисус Навин – один из славнейших иудейских рыцарей, коих в истории было ровно трое...

– Но-но-но, – перебил его Кляйн. – Профессор, вы, похоже, совсем с ума сошли? Какие...

– Не перебивайте меня! – обозлился вдруг профессор. – Неуч вы и невежда! Германская рыцарская традиция насчитывает трех великих иудейских рыцарей, трех язычников и трех христиан! И это знает любой, по крайней мере любой грамотный член СС!..

Кляйн открыл было рот, но тут же закрыл его и потупил взор. Иван готов был поклясться, что оберштурмбаннфюрер собирается покраснеть.

Профессор некоторое время ждал от Кляйна возражений, не дождался и продолжил тоном ниже:

– Так вот, было три рыцаря из иудеев... Об их деяниях мы знаем из Библии. Первым из них был Иисус, сын Навина...

– Действительно. – пробормотал Кляйн. – теперь я что-то начинаю припоминать...

– ...который прославлен тем, – продолжал профессор невозмутимо, – что, приняв от Моисея бразды правления сынами Израилевыми, повел их в землю, которую дал Он им... И много земель было захвачено, и много городов разрушено..., в том числе и Иерихон.

– А при чем тут я? – спросил Иван.

Профессор внимательно посмотрел на него. Ивану показалось, что темная пустота, спрятавшаяся было в глубине его глаз, снова готова явить себя миру.

– Слышали ли вы, дорогой барон, – негромко спросил профессор, – как зовут нашу хозяйку?

Иван отвел взгляд. При упоминании об этой женщине неприятный холодок шевельнулся в его душе.

– Слышал, – буркнул он неохотно. – И что?

– Ее зовут Рахав, – сказал профессор. – Иначе – Раав... И все погибнут в проклятом городе Иерихоне, кроме нее и тех, кто будет в доме ее...

Ивана передернуло. Голоса, поселившиеся в его голове, снова пробудились, настойчиво нашептывая, убеждая и успокаивая: они звенели и шипели, гудели, бухали, стонали, говорили: их было много, и они предлагали ему выбрать... Они манили за собой, звали и увещевали:

Иван чувствовал себя то мелким и ничтожным, то значительным и сильным; он то проваливался в ледяную бездну, то взлетал высоко-высоко; он был невесомым и тяжелым, прозрачным и непроницаемым, он пытался уйти – и снова возвращался, пусть и ненадолго...

Он вернулся в дом, приютивший его; бессмысленная тоска, одолевшая было, ушла, что-то прогнало ее, пусть и на время. Профессор смотрел на него так, словно вместе с ним слышал эти самые настойчивые голоса.

Дудки, подумал Иван, злобно глянув на фон Кугельсдорфа. Опоили небось гады меня чем-то... ну ничего! Спецназ просто так не сдается... Я вам устрою доставку этого самого талисмана по назначению!..

Он улыбнулся и расправил плечи, с радостью осознав себя солдатом великой армии. Мы еще повоюем, подумал он с бешеным весельем и посмотрел на немцев. Им, казалось, не было до него никакого дела. Иван открыл было рот, чтобы заговорить с профессором, но тут появилась сама хозяйка.

– Я приготовила вам ночлег, – сказала она, глядя на Ивана и улыбаясь. – Комнаты наверху...

– Мы пробудем у вас шесть дней, – сказал профессор и дернул щекой. – Деньги заплатим сейчас...

С этими словами он высыпал из кошелька горсть серебряных монет.

Брови хозяйки поползли вверх.

– Вы и вправду богаты, чужеземцы, – весело сказала она. – Не беспокойтесь, за свои деньги вы получите все, что пожелаете...

Прошел один день, потом другой, потом – третий... Они почти не выходили в город.

Только один раз Иван, профессор и Кляйн поднялись на стену, чтобы посмотреть на войско, осадившее Иерихон. Настроение горожан менялось.

Сначала в их сердца вселился страх при виде многочисленного войска, потом же, увидав, что противник медлит, осажденные приободрились. Недоумение у них вызвала странная процессия, изо дня в день ходившая по периметру стены и оглашавшая все вокруг пронзительным звуком труб, но потом это недоумение прошло, уступив место насмешкам.

А звуки труб тем временем становились все настойчивее и настойчивее, проникая сквозь стены в самый город, наполняя дрожью дома, заставляя трепетать деревья и разгоняя птиц с помоек, принося тревогу и неуверенность, помрачая разум...

Иван и немцы стояли на стене, глядя вниз – туда, где раскинулись шатры осаждающих, где в лучах яркого солнца остро блестели наконечники копий и медные бляхи на щитах воинов грозной армии; воины стояли, опаленные полуденным светилom, стояли молча, неподвижно и уверенно.

– Идут, – негромко сказал Кляйн.

Показалась процессия, обходившая город. Звуки труб стали нестерпимыми для уха, проникли в мозг, в сердце, в желудок. Иван почувствовал, как волосы на его голове зашевелились.

– Смотрите, – неожиданно сказал профессор, указывая куда-то рукой. – Вот он, Иисус Навин!..

Иван поглядел туда, куда указывал профессор. Впереди процессии шли вооруженные люди, за ними – семеро в ярких одеждах, очевидно, священники: они-то и трубили в трубы.

– Да где же? – недовольно спросил Кляйн.

– Вот, вот, – быстро заговорил фон Кугельсдорф – трубачи... видите – ковчег завета!.. А за ним, сразу за ним...

Иван всмотрелся. Шел человек, высокий, пожилой, с горделивой осанкой. Ветер развеивал его длинные белые волосы, трепал полы одежды.

– Солнце отдыхало, угнездившись на мече его, – пробормотал профессор.

Он умолк и провел рукой по волосам.

Иван удивился: раньше он не замечал у Кугельсдорфа такого жеста.

– Да, – продолжал профессор, – это он... Когда Моисей вывел евреев из Египта, то был уже не в силах вести их дальше, и призвал он тогда Иисуса, и возложил Моисей на него руки свои, и преисполнился Иисус духа премудрости, и повиновались ему сыны Израилевы, и делали так, как повелел Господь Моисею...

– Евреи, – с досадой сказал Кляйн, – опять эти евреи.

Профессор улыбнулся и умолк. Иван глянул на обоих с интересом.

– Пойдемте, – после паузы сказал Кляйн. – Нас ждут.

– Завтра – седьмой день, – тихо, как бы про себя, сказал профессор. – Иерихон будет взят и разрушен...

Оберштурмбаннфюрер сильно поморщился, но промолчал.

В этот вечер жители города были как-то по-особому, нездорово веселы. Кругом было шумно; тут и там раздавались хмельные песни, хохот, громкие крики. Весь город был ярко освещен: факелы горели повсюду, и в их колеблющемся свете мелькали неверные изломанные тени. Казалось, люди напоказ выставляли небрежение опасностью, темнотой и страхом. Единственные, кто не стеснялся бояться, были животные. Собаки, которые все последние дни были, не переставая, вдруг умолкли и затаились; напротив, домашняя скотина впала в буйство. Коровы мычали без перерыва, жалобно и страстно; овцы беспокойно блеяли, волнуясь в своих

загонах; ослы орали дурными голосами, словно хотели сами себе разорвать легкие... А птиц уже давно не было в городе... А люди веселились.

Дом Рахав был полон народу, и никто не хотел уходить, будто понимая, что только здесь можно было спастись... Немцы стали расходиться по своим комнатам. Профессор предупредил всех, что проснуться придется очень рано. Иван уже встал из-за стола, собираясь подняться наверх, как вдруг почувствовал чью-то легкую руку на своем плече. Он обернулся и увидел Рахав. Она смотрела на него снизу вверх, лихорадочно блестя глазами, улыбающиеся губы ее слегка дрожали. Ни слова не говоря, она потянула его куда-то за собой. Иван невольно оглянулся: среди общей суеты, шума и гама никто не обратил на него внимания. Более не раздумывая, он последовал за женщиной. В полном молчании они прошли по узкому коридору.

Рахав толкнула дверь, и они очутились в маленькой комнатке с низким потолком, где были только стол и кровать. На столе горел тусклый светильник. Рахав стремительно повернулась к Ивану и, как в смертной муке, закрыв глаза, обвила его шею своими руками, прижалась к нему всем своим легким телом. Горячно зашептали жаркие губы...

– Мой, только мой... ты избран... я ждала тебя, я всегда ждала только тебя, чужеземец, человек ниоткуда..., ты уйдешь, я знаю, но останешься моим, ты будешь всегда жить во мне...

Голова у Ивана закружилась. Огонек тусклой лампадки стал ярким, как свет близкой звезды, он усилился и превратился в обжигающий пламень тысячи солнц; комната распахнула свои окна прямо во Вселенную, и могучий и нежный вихрь закружил и подхватил, унося далеко – во времени и пространстве... Голоса, зазвучали всегдашние голоса: они кричали, и пели, и звали, но сегодня для них не было ни места, ни лишнего мгновения, и они ушли, утихли совсем, остался лишь один голос, рядом, вокруг, везде...

Кровать с набросанными на нее шкурами превратилась в звездную яхту под туманными парусами; волны кипящего океана перехлестывали через борт, сбивая с ног и увлекая в пучину; мудрое Время тормозило свой бег, сжимаясь, как пружина, и, распрямляясь, выбрасывало миры и солнца в вечное Ничто...

Иван медленно приходил в себя, восхищаясь и ужасаясь красотой окружающей тишины. Он посмотрел на женщину, лежащую на его руке. Лицо ее было бесконечно спокойно. Не открывая глаз, она улыбнулась и крепче прижалась к нему.

– Сегодня все кончится. – прошептала она, и голос ее наполнился безысходной тоскою. – Иехошуа бин Нун возьмет город, я знаю это..., все умрут, а ты вернешься в свое никуда... Я хорошо знаю это, поверь... я узнала обо всем уже давно и так долго ждала... Скоро все случится: награда, прощение и... прощание... Спасибо тебе, избранник...

Она замерла: Ивану показалось, что ее сердце перестало биться. Прошла томительная секунда: внезапно женщина широко раскрыла глаза.

– Все... Пора! – вдруг вскрикнула она. – Иди же!.. Скоро рассветет..., и в седьмой раз протрубят трубы!

Когда Иван поспешно спустился вниз, все уже были в сборе. Кляйн насмешливо поднял брови, хотел было что-то спросить (убью гада, с холодным бешенством подумал Иван), но передумал.

– Где вы были, Курт? – озабоченно спросил профессор, мельком глянув на Ивана, и, не дожидаясь ответа, продолжал, обращаясь ко всем: – Помните, что только в этом доме мы в безопасности. Тот, кто нам нужен, сам придет сюда... Ждать осталось недолго.

Иван мрачно уселся за стол, взял лепешку, подвинул к себе кувшин с вином и кружку. Он чувствовал себя усталым – и духовно, и физически. Нашла избранника, подумал он, криво улыбнувшись. Вот ведь ба..., в смысле женщины: обязательно им надо, чтоб поромантичнее..., это, конечно, понятно. Но почему – избранник?..

Он ел, не чувствуя вкуса, но усталость постепенно уходила. На смену ей пришло резкое чувство тревоги – адреналин весело прогулялся по его жилам, поселив в душе возбуждающее

предвкушение схватки. Иван даже приободрился. В зале повисла напряженная тишина: все молчали, прислушиваясь к происходящему вне стен дома.

Внезапно Иван различил еле слышный звук привычных уже труб. Слабый поначалу, он все усиливался и усиливался. Задрожали стены, брякнула посуда.

– Начинается, – негромко произнес профессор и посмотрел куда-то вверх. – Сейчас они закричат, и стены падут...

Звук, шедший снаружи, заполнял все вокруг, громыхая и названивая. Захотелось зажать руками уши, но Иван почему-то понял, что это бесполезно.

Загудело. Стены дома уже не дрожали: они тряслись, Шатались, грозя завалиться; заскрипели, двигаясь, столы, распахнулся с треском ставень. Небо в высвободившемся проеме окна стало темнеть, наливаясь густой синевою; потом навалилась жирная чернота, прорезаемая отливающими металлом лентами молний.

Только что было жарко, пот заливал глаза, но вот уже повеяло могильным холодом, закололо ледяными иголочками кожу на лице. Сквозь нараставшее могучее гудение пролился новый, чудный звук, зародыш многоголосого величавого песнопения, он становился все сильнее и сильнее, разрастаясь, охватывая и проникая: все уже было полно им.

Пол трясся под ногами не переставая, стены шатались, как бумажные. Один за другим люди валились на пол вместе со скамьями, не умея противостоять всесокрушающему, как казалось, напору немыслимой стихии.

Иван не выдержал и закричал, но не услышал своего крика. Самый воздух сотрясаясь и рушился: оставалось ждать лишь миг до того, как небеса рухнут на землю, раздавив всех живущих на ней.

Но вот последним аккордом прозвучал жуткий грохот. Иван подумал, что земля разверзлась и поглотила все, что на ней было, – просто из милосердия. Он ожидал падения в бездну, но наступила невероятная тишина.

Не веря в долгожданное безмолвие, люди не решались подниматься на ноги. Ползли долгие секунды томительной тишины. Ивану надоело валяться на давно не метенном полу, и он первым поднялся, стараясь не кряхтеть и не охать. Следом за ним стали подавать признаки жизни и остальные. Иван поднял скамью и сел на нее – ноги предательски подрагивали. Рядом с ним почти повалился фон Кугельсдорф.

И тут снова послышался сильный шум. Глухой рокот, словно рассерженная волна накатывалась на океанский берег..., он сейчас был неприятен, в нем таилась угроза – но угроза не мистическая, не леденящая кровь запредельным ужасом, а вполне осязаемая..., и человеческая.

Иван посмотрел на профессора. Тот отвел глаза, щека у него дернулась. Потом он сказал задумчиво, без тени испуга:

– Ну вот и все. Стены Иерихона пали. Город взят штурмом.

Рядом с ними на скамью, кряхтя, уселся Кляйн.

– Ну и что мы будем делать дальше? – задал он свой стандартный вопрос.

Профессор перевел взгляд на него.

– Ждать, – как бы нехотя сказал он. – Все жители города, от стариков до грудных младенцев, будут убиты. Не тронут только тех, кто находится в этом доме.

– А кстати, почему победители окажутся столь благосклонны к хозяйке этого отеля? – спросил Кляйн. – У нее какие-то особые заслуги?

– Вот именно, – усмехнулся профессор и покосился на Ивана.

– В доме этой блудницы, – Иван слегка дернулся, – нашли убежище разведчики израильтян..., они спрятались от местной стражи на крыше.

– А-а, – понимающе протянул Кляйн.

– Значит, у нее здесь явка... и надежная крыша для шпионов.

– Точно так, – снова усмехнулся профессор. – Она что же, профессиональная разведчица? – деловито спросил оберштурмбаннфюрер.

Профессор помотал головой и с усмешкой бросил быстрый непонятный взгляд на Ивана.

– Профессия у нее как раз другая, – сказал он, – хотя тоже очень древняя и разведке во многом родственная... не дергайтесь вы так, дорогой барон, дело житейское..., вас тут случайно кое-кто Сыном Неба не называл?..

Иван играл желваками на скулах, но пока молчал – потому, наверное, что надоедливые голоса опять пришли к нему в гости.

– И что же потом случится с этой..., э-э..., нашей хозяйкой? – спросил Кляйн слегка презрительно.

– О-о, это интересная история... У нее все будет хорошо: благодаря своим незаурядным качествам она вскорости займет очень высокое положение среди тех, кто разрушил ее город... остепенится, заведет детей... И вы знаете, господа, говорят, что даже сам великий царь Давид – один из ее потомков! – сказал профессор почему-то очень серьезно.

– Кто бы мог подумать, – пробормотал Кляйн.

Иван молчал. Ему не понравились серьезность профессора и его косые взгляды. Ивану вообще переставало нравиться многое. Начались, понимаешь, какие-то недоговоренности, какие-то намеки... да за кого его здесь принимают? Избранники..., потомки...

Он вдруг подумал, что внизу никого, кроме их группы, не было, хотя на постоялом дворе народу находилось немало. Тут он услышал скрип ступеней на лестнице, хотел обернуться, но в этот момент распахнулась входная дверь.

В помещение с ревом ворвались солдаты, захватившие город. Их было много: ощеренные, озверевшие люди с окровавленными мечами и короткими копьями в грязных от пота, крови и пыли руках. Диким торжеством победителей и жадой немедленного убийства пылали их лица...

Немцы повскакали с мест, отступая от угрожающе наставленных на них копий. Краем глаза Иван увидел, как Кляйн с искаженным от лютой ненависти лицом бросился на солдата, уклонился от неверно направленного меча, одним ударом сбил израильтянина с ног, вырвал у него меч и занес его над головой поверженного. Крик ярости вырвался из десятка глоток, на Кляйна бросились со всех сторон.

Эсэсовцу оставалось жить доли секунды, как вдруг раздался громкий уверенный голос, который заставил всех замереть.

– Остановитесь!.. Опомнитесь, несчастные!.. Или вы не видели червленого шнура на этом доме и не знаете, что его охраняет Иехошуа бин Нун и сам Бог Израилев?!

Все замерли, глядя на простершую руки Рахав. У Ивана даже дух захватило, до того она была прекрасна. Темное пламя.

Затем кто-то выбил из руки Кляйна меч, и эсэсовца притиснули к стене, приставив ему копье к горлу. Вперед выступил один из солдат, очевидно, командир.

– Мы видели знак на твоём доме, – прорычал он, – и мы знаем, что он означает. Мы выведем тебя и тех, кто находится под крышей твоего дома, прочь из проклятого города... но этот человек, – он указал мечом на несдержанного оберштурмбаннфюрера, – этот человек напал на нас, и пусть теперь вождь сынов Израиля великий Иехошуа бин Нун решает, как с ним поступить... И вы пойдете с нами, – повысил он голос, обращаясь к остальным немцам, – расскажете, кто вы такие..., не стоит ли истребить весь ваш поганый род...

Под злобными взглядами солдат Ивана и немцев вывели на улицу. Пока они ждали, когда выведут всех остальных из дома Рахав, Иван осмотрелся по сторонам.

Крепостной стены не было – то есть совсем. Вместо нее громоздились обломки битого камня, щебень, беспорядочные груды мусора и пыли. Прах покрывал землю, и непонятно было, как уцелел приютивший их дом: все вокруг было уничтожено.

Над городом поднимались угрюмые столбы жирного черного дыма. Откуда-то еще доносились слабые крики, плач, рев домашней скотины, но было ясно, что самого города больше нет.

Пахло горелым мясом, кровью, каменной крошкой, древесным пеплом..., пахло весной, жарким южным преддверием лета. Природе было наплевать на войну: сколько весен пахло кровью, сколько еще будет пахнуть...

Из дома Рахав стали выходить те, кто там еще оставался, – престарелые родители хозяйки, ее братья, какие-то женщины с маленькими детьми на руках; испуганные, плачущие, жмушщиеся друг к другу, одинокие и потерянные среди пепла и крови, среди бессильных останков и руин родного им города, в одночасье ставшего заброшенной могилой их соотечественников, друзей и близких.

Старший солдат махнул мечом, подавая команду, и кучка людей в окружении завоевателей побрела прочь от покинутого убежища.

Позади затрещало и загукало.

Иван обернулся и увидел, как из окон дома Рахав, подожженного солдатами, с воем вырвались языки веселого пламени, поднялись ввысь; столб дыма слился со множеством таких же. Дым, прах и огонь – ничего больше не осталось там, где был Иерихон...

По какой-то причине они не сразу вышли из города, хотя дом Рахав и стоял прямо возле обломков разрушенной стены. Чем дальше двигалась скорбная процессия спасенных, тем явственней становились тихий плач и стоны шедших с Рахав. Дух жестокой резни, тяжелые испарения скотобойни витали над горячими развалинами... С расчетливой жестокостью израильтянами было уничтожено все. Заколотые, зарезанные, затоптанные мужчины, старики, женщины, дети валялись между сожженных, освежеванных, плавающих в жидкой грязи и навозе туш домашней скотины. Душный запах крови пропитал все: кровь превратила сухую землю в болото. Тучи зеленых мух, тяжело гудя, спускались с небес и жадно облепляли ненужное мясо, и тень их повелителя чувствовалась где-то невдалеке. В живых не осталось никого.

Лишь кучки солдат нарушали застылость дымного багрового пейзажа. С канцелярской деловитостью солдаты собирали, подбирали и отсортировывали все ценное: как муравьи, волокли упорно на себе груды золотых браслетов, ожерелий, серебряных украшений, связки медных и железных сосудов и прочих вещей, обещанных ими своему Богу... Тем, кто владел этим раньше, уже ничего не было нужно: они утонули в собственной крови.

Иван невольно посмотрел на Рахав. Она шла, прямая и напряженная, изредка оскальзываясь, но снова выпрямляясь. Глаза ее были сухи, рот твердо сжат; она смотрела прямо перед собою, словно видела то, что не дано было увидеть другим. Никого не тошнило.

Иван посмотрел на Кляйна и увидел, что выражение озверелости сошло с его лица и вид у оберштурмбаннфюрера сейчас был несколько удивленный. Было тихо и страшно. Воздух замер, застыл, и все вокруг замолчало и скрылось. Никто не тревожил покоя проклятого города Иерихона, ни жившие в нем ранее, ни умершие сейчас.

Они вышли из города и побрели в сторону лагеря победителей, радуясь тому, что смерть осталась позади них. Немцы вели себя спокойно: война и убийство были для них совсем не нове.

Иван посмотрел на профессора: тот так вообще улыбался.

– Что смешное вы обнаружили, герр профессор? – спросил Иван неприязненно.

– Ну как же! – откликнулся фон Кугельсдорф. – Все ведь удачно получилось!

– Да? – удивился Иван. – А что именно, позвольте узнать?

Профессор украдкой оглянулся и, понизив голос, сказал:

– Благодаря бестолковому антисемитизму нашего дорогого оберштурмбаннфюрера – что поделать, герр Кляйн весьма ему подвержен, – нас доставят прямо к Иисусу Навину. Тот скорее всего захочет допросить пленного, потому что убить его сразу было бы не совсем удобно – все-

таки обещание есть обещание, находившиеся в доме Рахав неприкосновенны... А остальное – дело техники: мне надо только прикоснуться к талисману, который великий воитель носит на груди... что мы могли увидеть, стоя на стене города.

– Что-то я не помню такого, – задумчиво сказал Иван.

– Да?.. Было такое, было, – убеждающе произнес профессор. – Так вот, только я до него дотронуся, как мы сразу перенесемся в другую эпоху...

– А куда?..

– Я же говорил раньше – к Македонскому, который Александр... и поведем охоту за его частью талисмана.

– А если что-то не получится? – спросил Иван. Профессор пожал плечами.

– Что ж.., будем действовать по обстановке.

– А если герра Кляйна за его семитофобию.., того?..

– Ну и что? Война есть война, – снова пожал плечами фон Кугельсдорф. – Оберштурмбаннфюрер, конечно, хороший человек, но одним оберштурмбаннфюрером больше, одним меньше...

– Вы еще скажите, что одним бароном больше, одним меньше, – недовольно произнес Иван. Профессор хихикнул.

– Это уже до меня сказали, – лукаво сообщил он.

– Я знаю, – коротко ответил Иван.

Пепелище Иерихона, над которым уже почти не было видно дыма, осталось далеко. В лагере победившей армии царило оживление. Огромную добычу, взятую в разрушенном городе, многочисленные крупные и мелкие отряды сносили в сокровищницу, и приветственные крики сотрясали воздух.

Вечерело. В стороне неспешно нес свои воды Иордан, чьими стараниями капля за каплей наполнялась чаша Мертвого моря... Пьянящее чувство победы кружило головы победителям. После долгих лет унижений, скорби и рабства, после гонений и гибели одержана была первая победа на земле Ханаанской.

Впереди еще много походов, разоренных городов, богатой добычи, политой кровью чужаков-инородцев, много славных битв и побед, но эта, первая, – дороже... Стоя на коленях, Кляйн угрюмо смотрел на великого воителя, вождя своего народа. Злоба и ненависть просто душили немца – Иван это хорошо видел. Видел это и тот, к чьим ногам был брошен пленник.

– Говори, – сурово сказал он, – не медли. Из какой страны явился ты в город, проклятый Богом? Что делал там? Почему замыслил злое против сынов Израилевых?

Кляйн аж побелел от злости.

Иван усмехнулся.

Каково Кляйну, белокурой бестии, надежде и опоре, гордости шутц-штаффель, стоять на коленях перед каким-то пархатым... Ничего, ничего, подумал Иван злорадно. Замочил штанишки?..

Кляйн молчал и только по-волчьи скалился.

Преемник Моисея нахмурил брови. Уходящее солнце задержалось в его седых волосах, играло золотой цепью, неведомым талисманом, таинственно мерцавшим на груди...

Момент был критический. Иван понимал, что терпение разрушителя Иерихона не беспредельно, а Кляйн, сходявший с ума от унижения, которому подверглась его арийская натура, изображать смирение не собирается и сейчас сделает опасную глупость...

– Позволь, о великий! – раздался вдруг голос рядом с Иваном.

Это был профессор.

Вождь Израиля посмотрел на него с удивлением, потом едва заметно кивнул стражникам.

Иван напрягся. Если профессор не проявит должной расторопности, то угрожают и его, и Кляйна, и остальных немцев..., и, что самое неприятное, Ивана тоже могут укокошить. Это было бы совсем нехорошо.

Тем временем профессор, сложив руки перед собою, маленькими шажками продвигался к возвышению, на котором восседал Навин. При этом он мелко-мелко кланялся и вид являл робкий и смиренный.

Внезапно Иван похолодел.

Стражник с копьем, стоявший возле возвышения, сделал шаг вперед и встал перед профессором, держа копье наперевес. Фон Кугельсдорф замер.

Мысль Ивана лихорадочно заработала. Если пауза еще немного затянется, то главному завоевателю надоест творимое им правосудие, и он просто прикажет всех зарезать.

А профессор ничего не может сделать, пока стражник стоит перед ним: он не доберется до талисмана... И тут профессор бросил короткий взгляд на одного из немцев, который стоял ближе к возвышению.

Не успел Иван ничего понять, как эсэсовец с диким криком бросился на стражника, мешавшего фон Кугельсдорфу.

Все уместилось в одно мгновение. Стражник успел повернуться к напавшему на него: он выставил копье и нанизал на острие немца. Профессор же одним прыжком преодолел несколько метров, разделявших его и сына Навина, вцепился в одежду воителя и дотянулся до талисмана.

Никто не успел ничего понять. Иван лишь заметил спокойное удивление, мелькнувшее в глазах вождя Израиля, как все озарила ослепительная вспышка; он ослеп, земля под ногами пропала, и тяжелое небо стало близким и спокойным...

...и вдруг земля, твердая почва, сильно ударила по подошвам; колени подогнулись, так что Иван чуть было не упал. Разноцветная мозаика мира, рассыпавшаяся было по углам сознания, собралась вновь. Иван встрепенулся и посмотрел вокруг. С удивлением и тревогой он понял, что стоит практически на том же самом месте, что и секунду назад..., или не секунду?..

Ну да – вон и Иордан течет, и те же холмы, и развалины стен неподалеку... хотя нет, развалины все же другие. И кругом никого нет – кроме валяющегося на земле Кляйна, зашедшего в мучительном приступе кашля, девяти... нет, уже восьми рядовых эсэсовцев и профессора. Иван внимательно посмотрел на фон Кугельсдорфа. Почувствовав взгляд, тот повернул голову.

– Все в порядке, – немного насмешливо произнес он, – Сейчас год триста тридцать первый до Рождества Христова... но я несколько удивлен. Никак не думал, что мы окажемся на том же самом месте. Впрочем, об этом можно было бы догадаться...

Он поглядел куда-то в даль, шурясь от солнца.

Иван тоже посмотрел. На месте города, который был здесь тысячу лет назад, громоздились развалины, и над ними по-прежнему поднимался дым – будто пожар с тех пор так и не утих.

– Города всегда горели, – негромко произнес профессор. – Теперь это сделали македоняне. Александр Великий.

Он подошел к Кляйну и помог ему подняться на ноги.

– Как вы себя чувствуете, герр оберштурмбаннфюрер? – участливо спросил он. – Все ли в порядке?

– Нет, не все в порядке, – прохрипел Кляйн и сплюнул. – Все очень даже не в порядке...

Он оттолкнул профессора и выпрямился.

– Вы видели? – произнес он злобно. – Вы только видели, как этот..., как он меня..., а?!

– А в чем дело? – недоуменно спросил профессор.

– Подумаешь событие; скрутили и хотели допросить...

– Да ведь это были евреи! – заорал Кляйн.

– И они посмели убить одного из моих людей!..

– Ну и что с того? Мало ли вы евреев поубивали на своем веку...

– Да, я их убивал, – ядовито произнес Кляйн. – Убивал и буду еще много убивать!

– А чего же вы тогда жалуетесь? – пожал плечами профессор. – Вы – их, они – вас... Чего обижаться? В природе все должно быть гармонично...

Некоторое время Кляйн злобно таращился на профессора и угрожающе пыхтел, но фон Кугельсдорф так наивно глядел на оберштурмбаннфюрера, что тот понемногу остыл.

– Может, вы и правы, – пробурчал он. – Солдату негоже обижаться на то, что его самого хотят убить...

Профессор покивал.

– И я о том же, – сказал он. – Убивайте своих евреев на здоровье, и пусть вас тоже убивают... Кляйн неожиданно расхохотался.

– Мне нравится ход вашей мысли, профессор, – весело сказал он. – Вы совершенно правы. Истинная нация сверхлюдей должна выращиваться не в тепличных условиях, а на полях сражений...

– Кажется, сейчас вам будет сражение, – перебил его Иван, краем уха прислушивавшийся к ахинее, которую несли два немца. – Глядите. – Он указал рукой.

К ним стремительно приближалась группа всадников – Десятка три человек. Их шлемы и щиты ярко блестели на солнце.

– С ними мы не справимся, – с легким беспокойством произнес Кляйн. – Их слишком много.

– И не надо справляться, – невозмутимо сказал профессор. – С этими мы разберемся по-другому...

Легкий ветерок приподнял полу его хитона. Иван посмотрел на одежду профессора, потом на свою. Интересное дело: одежда более раннего времени уступила место другой, совершенно древнегреческого вида, если судить по картинкам в учебнике истории..., или еще где-нибудь.

– А как это мы сменили гардероб? – поинтересовался Иван.

– Молчите, Курт, – нетерпеливо сказал профессор. – Так получилось... Какая вам разница? Все продумано...

Иван хмыкнул и хотел было продолжить расспросы, но тут всадники приблизились к ним, окружили, наставили копья. Как и тогда, в первый раз, мысленно усмехнулся Иван, но тут же, приглядевшись внимательнее к всадникам, вынужден был признать, что не совсем так. Прежние рядом с этими выглядели просто оборванцами и разгильдяями – невзрачное мужичье на корявых лошадках. Нынешние же кавалеристы – на могучих конях, сами здоровенные, сытые, в панцирной броне, в блестящих шлемах с топорщившимися щетками конских волос на гребне, с внушительного вида мечами и тяжелыми щитами... Регулярная армия, закаленная в боях.

– Кто такие? – властно задал сакраментальный вопрос самый здоровенный в броне побегаче.

– Я – философ из Книда, последователь Аристотеля Стагирита, – спокойно ответил профессор, – а это – мои ученики. Мы были в Египте, а сейчас направляемся в армию божественного Александра. – А зачем? – сдерживая своего грызущего удила могучего коня, поинтересовался македонянин.

В том, что это был именно македонянин, сомнений у Ивана не было.

– Я хочу писать историю великого похода, а мои ученики – сражаться в армии великого полководца, – пояснил фон Кугельсдорф.

– Хм, – буркнул всадник. – А сражаться-то вы умеете?

– О да, – заверил его профессор. – Все мои ученики с детства приучены обращаться с оружием...

– И что, все они родом из Книда? – подозрительно разглядывая Кляйна, спросил всадник.

– Нет, конечно, – безмятежно отвечал профессор. – Есть и фессалиец, и беотиец, и милетцы, и афиняне..., а вот он, – фон Кугельсдорф указал на Кляйна, – фиванец...

– Фиванец? – переспросил всадник и несколько брезгливо посмотрел на немца. – Понимаю... Эпаминонд там, священный отряд...

– Да нет, – благодушно сказал профессор. – Вообще-то он вольноотпущенник, а сам родом из Иерусалима...

Иван увидел, как вытянулось лицо у Кляйна.

– Понятно. – произнес всадник, разглядывая побагровевшего оберштурмбаннфюрера, который бросал на шутника-профессора яростные взоры. – Да, а кто это у вас тут фессалиец? – вдруг спохватился он.

– Вот этот, – ткнул пальцем в Ивана фон Кугельсдорф. – Родом из Ифамы.

– Да что ты говоришь!.. – воскликнул всадник и спрыгнул с коня. – Землячок, значит!..

Иван чуть было не выругался вслух.

– Как звать-то тебя? – спросил, улыбаясь и подходя к нему, македонянин.

Росту он оказался немало – почти с Ивана, а в плечах – так и пошире него.

– Леонтиск, – ляпнул наобум в меру начитанный Иван, надеясь, что попадет в точку. И попал.

– Как!.. – вскричал пораженный квазиземляк. – Клянусь Зевсом, вот чудеса! Я-то ведь тоже Леонтиск!..

"Пропади ты пропадом со своими чудесами", – получал Иван, любезно улыбаясь в ответ.

– Нет, ну бывает же такое, – радостно продолжал настоящий Леонтиск. – Кого только не встретишь в этих краях... Слушай, давай к нам служить, в фессалийскую конницу под мое начало?..

– О нет, славный Леонтиск, – встрял профессор. – Мои ученики хотели бы служить в пехоте, к лошади они непривычны...

– Ерунда, – отмахнулся легендарный кавалерист. – Лучше конницы ничего нет. А что касается неумения... В армии ведь знаешь как? Не умеешь – научим...

Иван поднял брови.

– ...а на все остальное – воля богов олимпийских. Так что, философ, не путайся под ногами и не мешай солдату делать свой выбор.

– Нет, – твердо молвил фон Кугельсдорф. – Оракул сказал нам – только пехота.

– А, раз оракул, тогда – другое дело, – разочарованно протянул Леонтиск. – Ну что же, поспешим в лагерь!..

Прошло два месяца.

Немцам и Ивану удалось завербоваться в армию, во вспомогательные отряды пехоты, которые участвовали в подавлении антимакедонских восстаний в Сирии и Присредиземноморье. Не случайно встретился им отряд Леонтиска: восставшие против македонского владычества местные жители были жестоко истреблены. И текла кровь, и пахло горелым человеческим мясом, и гнили трупы на зеленой траве...

Божественный Александр, просвещенный царь, величайший воитель и светоч западной культуры, не любил, когда ему перечили или с ним не соглашались: ему ничего не стоило стереть с лица земли один город, вырезать до единого жителя другой, продать в рабство всех обитателей третьего...

Немцы близко к сердцу восприняли задачи, поставленные перед ними руководством: им по душе пришлось плановое хозяйство истребления, тем более что это был все же западный, а не какой-нибудь там иудейский вариант, хотя и тот был неплох. Как будто и не уезжали из род-

ной Германии, не прекращали трудиться над выполнением и перевыполнением четырехлетнего плана развития рейха. Скромный труд арийцев был замечен командованием. Им даже удалось перейти из простых пехотинцев-пелтастов в гипаспеты, которые после битвы при Иссе стали элитными частями армии Александра. Солдатский быт чужой эпохи стал основой их жизни.

Тем временем армия македонских завоевателей готовилась к решающему сражению с царем Персии. В этой битве должна была определиться судьба Азии, да и всего мира, на целые века вперед...

Все это время прошло для Ивана как в тумане. Иногда, в минуты душевной бодрости, он всерьез думал о том, не сошел ли он с ума, не спит ли, в конце концов... Краткий миг просветления проходил, и снова непонятная вялость и апатия одолевали его...

Однажды Иван увидел профессора и поразился, осознав, что не встречал его месяца полтора. Оказалось, что фон Кугельсдорф живет далеко от них, в одном из финикийских храмов. Что он там делал, профессор не счел нужным сообщить, но выглядел он весьма бодрым и свежим.

Когда Иван увидал фон Кугельсдорфа, то почему-то захотел рассказать ему о своей жизни в полубреду, о своих видениях и снах; о том, как, просыпаясь по ночам и засыпая днем, он грезил о запредельном, видел то, чего не мог видеть никогда и нигде прежде: пыльное солнце, тусклое и холодное, застывший ветер, воздух, сквозь который нельзя протиснуться и выйти вон..., снег, горячий снег на губах и открытой ране. Темнота подземелий рассудка, опрокинутое и вывернутое наизнанку небо, путешествие вниз и выход вбок.

Профессор подошел к нему.

– "...И вот – зверь четвертый, страшный и ужасный и весьма сильный; у него – большие железные зубы; он пожирает и сокрушает, остатки же попирает ногами; он отличен был от всех прежних зверей..." – процитировал он.

Глаза его странно блестели, словно профессор с трудом сдерживал веселый смех.

Иван вздрогнул, пробуждаясь.

– Нет, не то, – сказал он удивленно. – Я видел совсем Другое...

– А что же? – насмешливо спросил профессор. Иван хотел было заговорить, но почему-то промолчал, зябко поежившись.

– Холодно, – буркнул он.

– Антарктиду вспоминаете, дорогой Курт? – опять-таки с насмешкой произнес профессор.

Иван посмотрел на фон Кугельсдорфа. Странная мысль пришла ему в голову. Даже не мысль – так, что-то похожее на обрывок чужого воспоминания.

– И Антарктиду тоже, – медленно произнес он. – Как это вы говорили? База Юбург?..

Он умолк. В глазах профессора мелькнуло легкое удивление.

– Кажется, не так она называлась, – продолжал Иван все так же медленно. – Их там было четыре.., и эта называлась... Юд.., нет... Джуд... Джудекка?!

– О, я вижу, ваше душевное здоровье крепнет с каждым днем, – с беспокойством сказал профессор и почему-то оглянулся.

– Никак не думал, что вы так быстро...

– Подождите, профессор, – перебил его Иван. – Не мешайте мне...

– Потом, все потом, – торопливо проговорил фон Кугельсдорф. – Сейчас не до этого...

Поговорим после того, как случится великая битва...

– Какая битва? Когда?..

– Гавгамелы... Уже завтра.

Иван огляделся. Они стояли посреди огромного лагеря, в котором расположились войска Александра. Горели костры, и отблески языков пламени мрачно освечивали на оружии. Ночь была наполнена запахами уныния, крови, предчувствий и страха. Глухой шум, в который

превратились отдельные пьяные крики, женский визг, лошадиное всхрапывание и лай собак, казался ворчанием одинокого великана, ворочающегося на предсмертном ложе.

Армия отдыхала. Люди перестали быть людьми, они обратились в единое предложение некоей могучей воли, которой управляла воля еще более сильная, в своем могуществе пределов практически не знавшая. Великан дрожал, как в лихорадке, ворочался и никак не мог уснуть...

Иван зябко поежился и посмотрел на небо. В плотной ночной южной мгле подрагивали гвоздчатые яркие звезды. Мертвый глаз холодной луны висел над головой, притягивая взгляд...

Иван вдруг вспомнил, как неделю назад во время короткого отдыха на привале случилось лунное затмение. Он тогда совершенно не удивился мгновенной перемене в окружающем мире, слабости, граничащей с отчаянием, апатии и страху, внезапно овладевшими людьми, – настолько все совпадало с его собственными видениями: момент перехода от смутного беспокойства к реальности кошмара, секундное ощущение опрокинутости и бесполезности сопротивления могучей силе, раз и навсегда изменившей привычную картину неот্যাгощенного сомнениями бытия...

Это длилось краткий миг – оцепеневшие люди, застывшие в немой тоске и обратившие слепые лица к слепому же небу; темнота, ставшая осязаемой; бесконечная тишина и холодный, колкий воздух.

Но прошла еще секунда, и равновесие было восстановлено: силе уже противостояла другая сила; а потом мир раскололся, потеряв твердость, и снова стал текуч и многообразен. Кошмар стал обычным делом – в нем можно было жить.

Иван вздрогнул, отгоняя видения. Он чувствовал, как возвращается в реальность, как обретает твердость осознания своего "Я", как уверенность, знание и понимание задачи становятся доминантой. Он почти весело посмотрел на профессора. Тот очень внимательно глядел на него. Настороженное ябобопытство читалось в его взоре.

– Ну что же, герр профессор, – бодро спросил Иван. – Какие новости из ставки главного командующего?

– Скоро рассветет, – ответил фон Кугельсдорф после большой паузы. – Божественный Александр отдыхает в своем шатре... а попросту говоря – дрыхнет без задних ног. Царь Персии Дарий со своей армией находится примерно в пяти километрах от нас. Персы не спят, опасаясь ночной атаки непобедимого царя македонян..., но ее до утра не будет. Македонцы же либо спят, либо делят будущую добычу. Шкуру, так сказать, неубитого медведя. Ведь, по-моему, именно так говорят в России?

Иван пожал плечами.

– Не знаю, – легко сказал он.

– Ну и ладно, – так же легко согласился профессор. – Пойдемте и мы отдыхать.

Солнце палило нещадно. Ни единого облачка не было в небе, которое накалялось с каждой секундой, на глазах набухая и твердея. Под лучами яростного светила беспощадно сверкал металл доспехов и оружия; темная смутная масса людей и животных, пыль, пока еще робко поднимающаяся вверх, а выше – яркие угрожающие блики и пляшущее марево горячего воздуха.

Иван, вытянув шею смотрел вперед. Персы – вражеская армия, – казалось, были бесчисленны.

Сколько мог охватить взгляд, везде колыхалась щетина копий, сверкали страшные огромные ножи колесниц и налобники боевых слонов. Густая мешанина походила на выползающую из чудовищной кастрюли живую кашу, которая пучится, пыхтит, шипит, грозя затопить собой всю огромную равнину под палящим безразличным солнцем... Уже совсем скоро блюдо будет готово. На радость богам войны, предвкушающим славное пиршество..., и шакалам, которым достанется масса вкусных объедков.

Иван огляделся. Македонская армия представляла собою тоже весьма величественное зрелище. Слонов и колесниц не было, но фаланга тяжеловооруженных гоплитов, которая стояла чуть впереди и левее, казалась единым стальным монолитом, который способен сокрушить все что угодно. Закаленные в войне македонские ветераны, вооруженные огромными щитами и страшными копьями-сариссами до шести метров длиной... В чистом поле натиск такой живой стены протяженностью в километр и глубиной от шестнадцати до двадцати четырех рядов был просто ужасен. Еще левее стояли греческие пехотинцы-союзники, а дальше – фессалийская конница, где служил тот самый псевдотезка, как хмыкнул про себя Иван.

Иван глянул вправо. Там волновалась конница: царские "друзья" – гетайры, во главе с самим Александром. Иван хорошо видел божественного полководца. В пурпурном плаще, с непокрытой головой, с копьем в руке македонский царь находился перед строем своей конницы. Вот он привстал в седле, вглядываясь в даль, вот повернулся...

В воздухе повисло колоссальное напряжение. Огромное скопление людей и животных находилось на той грани, за которой наступает схватка, ужас, кровь... смерть. Вот сейчас они еще стоят неподвижно, их бьет дрожь, глаза лихорадочно блестят, но они еще живы, они еще находятся отдельно от других, хотя уже скованы цепью предопределенности, и их судьбы неведомым образом сплетены с судьбами других – таких же, лучших, худших, которым или от которых предстоит погибнуть, – а уже через неуловимое мгновение все они сольются в один ревуший, визжащий, сошедший с ума хаос, и живой позавидует мертвому, а мертвый еще долго будет оставаться живым...

Иван невольно крепче сжал в руке тяжелый меч. Он тоже чувствовал лихорадочное напряжение, но это скорее был азарт и предвкушение хорошего соревнования – в спортивном, что ли, смысле слова... Смутные видения оставили его, чужие голоса не докучали, голова была ясной, и, он четко знал, что и когда надо делать.

Внезапно глухой, постепенно набирающий силу рев, зародившийся где-то далеко впереди, пронесся над равниной. Чудовищная персидская каша дошла до кипения, выплеснулась из своей временной емкости и неумолимо, постепенно увеличивая скорость, поползла на македонян.

Великая битва Запада с Востоком началась. Впереди персов во весь опор мчались колесницы; укрепленные на них большущие ножи бешено вращались, сверкая на солнце. Но это еще не была настоящая атака:

Иван увидал, как понявший это Александр стал уводить свою кавалерию вправо, стараясь устранить недостаток построения своих войск – фронт македонян оказался короче фронта противника. Персы тоже это видели, и части их скифской и бактрийской конницы понеслись вперед, стремясь опрокинуть правый фланг Александра и зайти македонянам в тыл. Вслед за этим вся персидская армия двинулась вперед. Во весь опор мчащиеся колесницы первыми достигли македонских порядков.

Находившиеся перед фронтом легковооруженные пехотинцы и лучники стали осыпать колесницы градом дротиков и стрел, стремясь поразить лошадей и возниц; вот уже одна колесница на полном скаку перевернулась, захрустели ломаемые хребты лошадей, возница и стрелок попытались соскочить – но тут же были затоптаны другой повозкой, которая сейчас же и сама перевернулась; отлетело колесо, оборвались построики, и лошади мчатся дальше, а люди уже зарублены и корчатся в красной пыли; вот македонянин-пращик не успел увернуться, и его перерезало пополам страшной косой, и обе половины тела взлетели высоко вверх...

Колесницы наконец врезались в фалангу. Обученные воины моментально расступились, и повозки стремительно промчались сквозь строй, давя и калеча нерасторопных. Срезанные, точно золингеновской бритвой, головы, распоротые – кому как повезло – тела остались лежать на сухой земле, но фаланга уже снова сомкнула свои ряды, а потерявшие ход колесницы захвачены стоявшими в тылу. Педзетайры-фалангисты опустили копья и двинулись вперед.

В это время огромная свирепая масса персидской конницы с диким воем обрушилась на левый фланг македонян. Началась рубка. Фессалийской и союзной кавалерии там было намного меньше, и, несмотря на свою отчаянную храбрость, греки стали постепенно подаваться назад. Страшный рев несся над равниной. Парфяне, саки, мидяне, составлявшие правый фланг персидских войск, бились свирепо и жестоко. Хруст, вопли, лязг железа, ржание лошадей... перемешавшиеся в один неразличимый в деталях хаотический вихрь белых, темных, вороных и пыльных пятен люди и лошади – сила против силы, страх против отчаяния, ненависть против бешенства, – все это было таким глупым и неуместным под безмятежным высоким небом... Как часто бывает, большинство начало брать верх. Решив дорого продать свои жизни, фессалийцы бились остервенело, но часть особенно ретивых персов уже прорвалась в тыл македонян, к обозу.

Внезапно там раздались громкие крики и засверкали клинки: это персы, взятые в плен ранее, напали на охрану лагеря и перебили ее. Их подоспевшие компатриоты-всадники довершили дело. В македонском тылу началась резня. Персы спешили грабить обоз.

Иван чувствовал, что судьба македонской армии повисла на волоске. Хотя составлявшие ее солдаты и были лучше вооружены и обучены, противник был слишком многочислен. Если Дарию удастся развернуть все свои войска и окружить Александра, то для последнего это будет означать только одно: поражение и смерть.

Но божественный полководец отнюдь не считал, что битва проиграна. На левом фланге противника скифы слишком увлеклись маневрами и схваткой с легкой кавалерией македонян и немного сдвинулись, образовав разрыв между собой и центром персидской армии.

Это был решающий момент битвы. Александр вскочил на Буцефала. Иван хорошо видел македонского царя. Огромный воин в железном шлеме, блестящем на солнце действительно необычайно ярко, в развевающемся плаще, с мечом в вытянутой в сторону противника руке, повел своих верных "друзей" – гетайров навстречу победе или бесславной гибели – что они добудут в бою... В это время фаланга македонян билась с пехотой противника.

Сметя передние ряды персов, педзетайры лицом к лицу столкнулись с "бессмертными" – гвардией Дария, – и греческими наемниками, единственными в персидской армии солдатами, которые могли хоть что-то противопоставить страшному удару фалангистов. Закипела сеча: никто не хотел отступить ни на шаг.

И тут Александр со своими дружинниками обрушился на персов. Левый фланг пехоты противника оказался неприкрытым, и щитоносцы-гипасписты в сомкнутом строю бросились на врага. Иван бежал вместе со всеми. Пот из-под шлема лился на глаза, тяжелый щит оттягивал руку, меч в общем-то только мешал. Было немного дискомфортно: Иван привык к несколько иной войне. Правда, здесь правила были попроще – бей-руби, вот и вся хитрость. Чем ты здоровее, чем дольше можешь таскать на себе груды боевого железа, тем больше шансов выжить. Если, конечно, стрела не достанет... или еще что не случится.

Внезапно Иван увидел летящий прямо в лицо дротик. Иван успел уклониться, услышал за спиной чей-то вскрик и вдруг оказался в самой гуще схватки. Боевой инстинкт – это инстинкт, тренированное тело само знает, что делать. Отбив щитом чей-то удар, Иван увидел перед собой ощеренное лицо врага и наотмашь рубанул пониже черной густой бороды.

Отрубленная голова отлетела в сторону, в глаза брызнула чужая теплая кровь. Мир стал красным. Мотнув головой и заревев, Иван бросился вперед, рубя направо и налево. Мозг уже не соображал – на это не было времени. Иван был воином, и все его тело стало походить на тугую пружину, которая сжималась и разжималась без остановки, потому что любая остановка или пауза грозила немедленной смертью.

Смерть была везде: от нее надо было уклоняться, но с нею надо было дружить, дарить ее милосердно, ведь гибель врага – это милосердие, единственная благодать боя. Смерть была повсюду – как союзник, как утешитель, как друг и драгоценность. Мир кувырчался в строй-

ном постоянстве: он был то светлым, то темным, то узким, то широким, а то мог застыть, как капля янтаря, в которой завязли букашки-враги, и их надо было поскорее познакомить с союзницей-смертью, а потом забыть о ней и о них. Ведь смерть – всего лишь пустота, так же как и жизнь. Разбить янтарь – вот что было главным в тот момент.

Внезапно Иван опомнился, осознав, что видит только спины бегущих. Он пробежал еще несколько шагов, споткнулся и чуть не упал. Рядом, тяжело дыша, остановился гипаспист и тут же со стоном опустился на колено. Иван посмотрел на него.

Щека солдата была разрублена, клочок мяса свисал, держась лишь на лоскуте кожи, что придавало немцу – а Иван с трудом узнал в нем одного из эсэсовцев – какой-то недоеденный, что ли, вид.

Иван отвел глаза и выпрямился, оглядевшись. В густейших клубах пыли почти ничего не было видно: казалось, сплошная мутная стена возникла между небом и землею, скрыв солнце и наполнив мир тошнотой пролитой крови. Зыбкие тени колыхались вокруг, изломанно кривляясь в обычной пляске смерти.

Земля дрожала; звон оружия и обвальный яростный крик, исторгнутый десятками и сотнями тысяч глоток, продолжали угнетать рассудок неистовым безвременьем сражения. Битва продолжалась.

Но вот персы дрогнули. Не выдержав натиска гипаспистов и конных дружинников Александра, Дарий со своими отборными войсками сначала подался назад, а потом побежал – все быстрее и быстрее, совсем потеряв голову, в панике бросая все – оружие, обоз, свою многочисленную семью...

Охваченный животным ужасом, царь персов нахлестывал лошадей, желая лишь одного: как можно скорее оказаться дальше от проклятого места, где погибала его армия, погибала слава Персии, погибала великая империя Востока, пораженная в самое сердце страшными македонскими сариссами и втоптанная в кровавую пыль конницей божественного Александра – великого царя Запада...

Александр не стал сразу преследовать Дария – сражение еще продолжалось. Он повернул своих конников на помощь Пармениону, командовавшему левым флангом, и зашел в тыл персам. Дикий вой пронесся над гигантской равниной: окруженные персы поняли, что брошены своим царем и обречены на скорую смерть. Измученные фессалийские кавалеристы, увидав, что к ним на выручку идет сам Александр, воспряли духом, и в считанные минуты противник был изрублен в клочья: пленных здесь почти не брали.

На правом фланге бой тоже прекратился. И здесь персы обратились в бегство. Не давая ни себе, ни противнику ни секунды передышки, Александр решил броситься в погоню, стремясь настичь Дария. Однако измученные сражением воины не могли двигаться с нужной быстротой, и македонский царь вынужден был позволить им немного отдохнуть.

Оставив основные силы своей армии собирать пленных и трофеи, Александр с конницей и частью резерва пехоты поспешил за бегущими в панике персами. Полуфаланга, в которой находился Иван, в погоне не участвовала.

Бешеный натиск гипаспистов, во многом решивший исход битвы, стоил жизни многим щитоносцам. Раненых же переносили в обоз. Тот немец, которому рассекли лицо, умер. Остальные эсэсовцы были живы. Как немцы сражались, Иван не видел... или, точнее, не помнил. Но судя по их иззубренным мечам и помятым панцирям, за спины товарищей они не прятались. Все были изрядно заляпаны кровью – и своей, и чужой, но серьезно никто из них ранен не был. Больше всех досталось Кляйну: глубокая колотая рана в левом плече все еще сочилась темной кровью. Немцы молчали, стоя рядом со своим убитым товарищем.

Иван вдруг подумал, что оглох – настолько тихо стало вокруг, до звона в ушах и разноцветных пятен перед глазами. Он не успел удивиться этому, как понял, что на него снова накатило странное наваждение. Иван вздрогнул, почувствовав замогильный холод под ногами.

Стало темно: его лица коснулось что-то мягкое и неживое, коснулось ищуще и изучающе. Он отшатнулся, оперевшись спиной в мертвый камень... Откуда-то снизу слышались звуки странного песнопения. Там, внизу, было пусто, только где-то очень глубоко таилась глыба черного мрака, которая начала пульсировать, разрастаясь с каждым так-том незнакомой мелодии, звуки которой становились все громче. Потом к звукам прибавились непонятные письмена, невидимые простым глазом. Стало нечем дышать; Иван почти не ощущал собственного тела; то, что касалось его лица, уже обвилось вокруг его шеи, все настойчивее и настойчивее сдавливая ее; неземной холод был повсюду, он проник сквозь кожу и добрался до костей, делая их ломкими и ненужными. Голова распухала, не вмещаясь в ограниченное пространство бытия; Иван почти перестал быть самим собой... и все прекратилось. Ударило в глаза ослепительно жестокое солнце. С хрипом втянув воздух в обескровленные легкие, Иван пошатнулся и рухнул наземь, загремев всей своей обильной амуницией. Ледяной ужас мгновенно превратился в пот и потек ручьями по лицу. Мир стал твердым, хаос звуков ворвался в уши, и первое, что различил Иван в этом хаосе, – резкий птичий крик и протяжный вой волка. А еще он увидел злющие глаза профессора фон Кугельсдорфа или какого-то его близнеца, который тянулся к его горлу огромной коричневой рукой с узловатыми многосуставчатыми пальцами...

Кто-то потряс его за плечо. Иван дернул головой, открыл глаза и с трудом поднялся на ноги. Никакого профессора рядом не оказалось, а были только горы изуродованных трупов и немцы, которые вызывали сейчас почему-то умиление и раздражение одновременно.

– Что с вами, Курт? – спросил Кляйн. Оказалось, что это именно он поддерживал Ивана, не давая ему упасть. Оберштурмбаннфюрер был бледен и говорил сквозь стиснутые зубы. – Вы ранены?..

– Да нет, – проговорил Иван, силясь улыбнуться. – Что-то мне нехорошо стало... От жары, наверное.

– Как-то вы... странно выглядите, – с некоторым сомнением сказал Кляйн и поморщился – видимо, от боли. – Мне даже показалось, что вы стали... прозрачным, что ли. Действительно, жара, черт бы ее побрал, – добавил он и дернул здоровым плечом.

– Ерунда, – сказал Иван, отстраняя его. – Пройдет.

На самом же деле это была вовсе не ерунда, и он чувствовал всем своим существом, что непонятная сила, сродни тем, какие только что столкнулись в битве, готовой преобразить окружающее и изменить напрочь существующий мировой порядок, страшная, немыслимая сила играла им и в скором времени возвратится снова, чтобы смять, подчинить, уволочь куда-то с непонятной пока что целью... Ступни у него опять заглодели. Македонская армия вступала в Вавилон. После Гавгамел Александру не удалось настичь Дария.

Персидский царь бросил остатки своих войск на произвол судьбы и с небольшим количеством телохранителей убежал на северо-восток страны, в горы, отдав страну под власть пришельцев с Запада.

Александр не решился преследовать Дария среди труднодоступных горных троп и пошел на юг – к Вавилону, Сузам и Персеполу, лишь ненадолго задержавшись в Арбелах, чтобы кое-как привести в порядок свою армию.

На поле сражения остались гнить десятки тысяч изуродованных трупов. Страшное зловоние распространилось вокруг: казалось, само небо потемнело до тошноты, и лишь стаи стервятников чувствовали себя своими на этом празднике жизни...

Азия лежала у ног божественного полководца. Всем было совершенно очевидно, что не осталось больше силы, которая могла бы помешать дойти македонянам до края Ойкумены. Устрашенные жестокостью, с которой каралось любое неповиновение новым властям, и не очень-то любящие прежнее начальство местные жители встречали грозного воителя с радостной покорностью.

Все хорошо помнили об участии Тира и Газы, где просвещенные носители эллинизма утопили в крови всех, кто пытался выступить против Александра: в этих городах было вырезано все население от мала до велика, вырезано жестоко и хладнокровно – так, чтобы надолго запомнили.

А вот покоровшихся македоняне особо не обижали, в большинстве случаев сохранив местную администрацию, лишь обязав ей исправно платить налоги и предоставив полное право грабить свой народ, как и прежде. Все согласились и очень этим были довольны – Восток, как известно, дело тонкое...

Армия входила в главные ворота города. Македонские ветераны, много повидавшие на своем веку, были поражены открывшимся их глазам величественным зрелищем. Вавилон превосходил всяческое воображение. Чудовищные, высотой в двадцать и толщиной в десять метров стены опоясывали огромный город: цитадель, сложенная из циклопических глыб, была еще выше.

Словно из сказок перенесенные висячие сады спускались будто откуда-то с небес на чистые мощеные мостовые, нежной зеленью, неведомо как существующей при такой жаре, подчеркивая безмолвное величие дворцов и храмов, украшенных невероятной красоты изразцами и изваяниями.

Могучий Евфрат тоже был закован в камень, и набережные были великолепны. Широкие улицы переполнились народом, восторженно приветствующим победителей. Нарядные, сытые и довольные горожане, и кругом – дворцы, храмы и статуи, статуи, статуи... Крылатые быки с огромными выющимися бородами, львы с человеческими лицами, повергающие в ужас великолепные драконы – всюду камень и золото, золото и камень. Похоже было, что город жил своей, нечеловеческой жизнью: людям здесь просто нечего было делать – среди величия и роскоши безразличных богов, вечных, а потому не беспокоящихся о бренности, времени и тщете. Когда войска еще только подходили к Вавилону, Иван почувствовал налетающее беспокойство.

Что-то недоброе ощущалось уже издалека: словно мутная пелена окутала стены и повисла над городом, запустив щупальца в каждый дом, в каждую душу. За внешней красотой, блеском и показным величием скрывалось нечто нехорошее, и это нехорошее было готово к действию.

Ивану вдруг показалось, что весь город – только декорация, картон и папье-маше, а люди на улицах – мертвецы, скалящие зубы в холодной улыбке голых черепов, убитые дважды и трижды, но настойчиво возвращаемые из могил чьей-то злой волей – пусть на время, пусть в обмен на кого-то другого, кому тоже суждено еще не раз вернуться, пока его не избавят от этой постылой обязанности...

Гул голосов стал тише. Иван услышал, как где-то звякнул колокольчик. Резко вскрикнула птица. Люди снова стали людьми. Город встречал великую армию. Александр со своими ближайшими сподвижниками разместился прямо возле главных городских ворот, в роскошном царском дворце. Гипаспистам как отборным армейским частям тоже отвели достойное место. Вечерело. Пламенеющий солнечный шар скрылся за желто-серым камнем стен. Тут и там стали зажигать факелы: наступили быстрые сумерки.

Начинался ночной этап веселья победителей-освободителей; отовсюду неслись пьяные вопли, радостный женский визг мешался с хриплыми голосами македонских солдат; длинные тени уже начинали метаться в темноте узких проулков в поисках уединения: темнело очень быстро. Ощущение противоестественной свадьбы повисло над покоренным городом – праздничный стол был накрыт, и гости почти все собрались. Яства оказались расставленными в изобилии, и плотоядная ухмылка вавилонской ночи становилась все шире и откровеннее...

Часть вторая

О ПИТЕЙНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ, МОДНЫХ ФИГУРАХ И О МАЛОЗАМЕТНОМ НИЗКОЛЕТЯЩЕМ БЕГЕМОТЕ

Иван вышел из казармы на улицу. С наступлением темноты он стал ощущать на себе чей-то пристальный взгляд, и ощущение это было не из приятных. Вдобавок страшно хотелось курить. Иван вздохнул и вдруг подумал о профессоре. Он поразился: оказывается, фон Кугельсдорфа-то он не видал с той самой ночи перед битвой при Гавгамелах! И ни разу даже о нем не вспомнил... Нет-нет-нет, конечно же, вспомнил: когда возник тот самый вселенский холод, волчий вон и птичий крик. Иван почесал в затылке. А что, если?..

– Гуляем?

Иван обернулся. Позади него, приятно улыбаясь, стоял профессор – легок на помине.

– Гуляем, – кивнул Иван. – Душновато.

– Это хорошо, – потирая довольно руки, проговорил профессор.

– Что тут хорошего? – удивился Иван.

– Да все. – Профессор сделал широкий жест рукой.

– Понятно, – сказал Иван. – А где...

– Вечерок-то какой! – восторженно перебил его фон Кугельсдорф. – Да?

– Вечерок..., действительно, – согласился Иван. – Но откуда...

– А как вам здешние приключения? – снова перебил о профессор.

– Весело, правда?

– Веселее некуда, – снова согласился Иван, медленно закипая.

– То-то, – удовлетворенно произнес профессор. – Но ничего: то ли еще будет! – пообещал он, мечтательно подняв глаза к небу.

– Ладно, – мрачно сказал Иван.

– Не хотите говорить, где вы были все это время и откуда появились сейчас, точно чертик из коробки, – хорошо: это, в конце концов, ваше дело. Однако, быть может, вы все же сообразовите объяснить, как вы собираетесь добывать македонскую часть талисмана и куда, собственно, мы отправимся дальше?

Профессор сделал легкомысленный жест.

– Добудем мы этот талисман, успокойтесь, – сказал он. – Это уже не ваша забота... А куда мы отправимся дальше – вы узнаете чуть позже. Могу, правда, заранее сказать, что это очень необычное место...

Иван пожал плечами.

– Куда уж необычнее? И что вообще необычного можно увидеть в этих ваших... путешествиях?

– А что такое? – с удивлением спросил фон Кугельсдорф. – Вам что, не в новинку бывать в Вавилоне?

– Да нет, не в этом дело... Просто – какая разница? Что там, что здесь – одна и та же равнодушная банда. Хоть в малиновый хитон их наряди, хоть в золотой панцирь – все едино... Водку пить да морду бить – вот и весь сказ.

– Ого, – произнес профессор, с большим интересом разглядывая Ивана. – А при чем здесь водка?

– Ну, вино там, шнапс или еще что – какая, повторяю, разница...

– А как же мировое господство? – поинтересовался профессор.

Казалось, разговор его сильно забавлял. Иван махнул рукой.

– Море водки и гипотетическая возможность безнаказанно бить морду всем подряд...

– Боюсь, вы слишком примитивно все понимаете, – возразил с улыбкой профессор. – Не доросли вы, дорогой Курт, до мирового господства...

– Может быть, – легко согласился Иван. – Человек я, как известно, простой...

– Барон, – поправил его фон Кугельсдорф.

– Что?

– Я говорю – барон вы простой.

– А что – барон уже не человек, что ли? – удивился Иван. – Еще какой человек. Ого!

Слов нет сказать, какой человечиче...

– Н-да, – сказал профессор. – И величие божественного Александра вас не впечатляет?

– Впечатляет. – признал Иван. – Но недолго ведь ему осталось, Македонскому-то... Вы что, историю не знаете?

– Знаю, – с усмешкой сказал профессор. – Я-то как раз знаю... очень интересную историю...

– Да? Ну так расскажите...

– Потом, – снова усмехнулся профессор. – А пока выбросьте всю эту дурь из головы и не забывайте – нам нужен талисман!

– Ну вот, теперь вы заладили – "талисман, талисман"! – рассердился Иван. – Прекрасно я про него помню... и как он, так сказать, работает, тоже хорошо вижу. Так вы мне скажете толком, куда мы отправимся дальше по этой дороге разочарований, или нет?

Профессор посмотрел на него с любопытством.

– А вы как думаете? – спросил он.

– Да никак я не думаю, – раздраженно сказал Иван. – Что вы мне все загадки загадываете, в самом деле... Язычники, иудеи... триады какие-то... Что там дальше по программе?..

– Христиане, – с готовностью сказал профессор.

– Вот уж как хорошо-то, – ядовито произнес Иван. – Все же ближе по духу... И кто же у них там носитель талисмана?

– Король Артур, – спокойно молвил фон Кугельсдорф.

– Кто-о?..

– Король Артур, – терпеливо повторил профессор.

– Понятно, – сказал Иван после паузы. – Надо понимать, тот самый Артур? Из Марка Твена?..

– Ну, не совсем, – усмехнулся профессор. – Скорее уж из Кретьена де Труа..., или там из Мэлори.

– Вы что это, серьезно? – осведомился Иван.

– Вполне, – пожал плечами профессор. – А что вас смущает?

– Но это же литературный персонаж, – сказал Иван с сомнением. – Что за чепуху вы городите? Как мы туда сможем попасть?..

– Запросто, – отвечал профессор. – Главное – идти прямо и не сворачивать.

– Куда идти? В сказку?..

– Да в какую сказку? – недоуменно произнес профессор. – При чем тут сказка?

Иван слегка растерялся.

– Но ведь король-то ненастоящий... Придуманный.

– Что значит – придуманный? – спросил профессор с легкой улыбкой.

– Ну... – в затруднении начал Иван. – Его же по-настоящему как бы и не было... Или был?..

Профессор усмехнулся.

– По слухам, король Артур существовал в действительности... А вообще-то какая разница, дорогой барон? И откуда вы, позвольте осведомиться, доподлинно знаете, кто придуман, а кто был, или есть, или будет в реальности, на самом, как вы говорите, деле?..

Иван совсем растерялся.

– Но ведь Македонский, к примеру, исторический персонаж..., а про Навина в Библии написано...

– Ну и что? Артур тоже вполне реальная личность, только про него много лишнего наговорили... И вообще мне лично здесь надоело: пора уходить... А вы, дорогой Курт, как мне кажется, давно уже норовите куда-то ускользнуть. В небытие, по-моему.

– Куда?..

– В небытие... Может статься, уважаемый барон, что мы с вами куда менее реальны с чьей-то точки зрения, нежели славный сэр и добрый король Артур...

– Но ведь мы-то есть, – потерянно сказал Иван. – Мы-то пока что никуда не подевались..., и только что участвовали в великой битве...

Профессор рассмеялся и покачал головой.

– Да кто вам сказал, что вас в этой битве не угрохали и что все это не придумано кем-то? – спросил он, лукаво улыбаясь.

Иван не знал, что и сказать, но потом очень кстати вспомнил диамат.

– Паршивый буржуазный солипсизм, – произнес он решительно. Потом добавил, спохватившись: – Выдумки негро-еврейских плутократов!..

Профессор снова от души рассмеялся.

– Это вы сильно и хорошо сказали, – проговорил он, вытирая набежавшую слезу. – Негро-еврейские – это да..., представляю себе... У нашей партии большое будущее, и с идеологией у ее молодых кадров все в порядке...

– У партии всегда все в порядке, – мрачно сказал Иван. – Особенно с идеологией.

– Это точно...

– Куда уж точнее, – подтвердил Иван.

Профессор внезапно посерьезнел.

– Миры бывают разные, – негромко произнес он. – И не обязательно черпать силу лишь в одном из них. География не ограничивается только бытием, чистилищем или любой цитатой..., ограничения вообще вредят силе, уж вы мне поверьте. Иногда надо побывать и по эту сторону добра, и по ту сторону зла: то есть просто обратиться к зеркалу иллюзий. Истории ведь никогда не было и никогда не будет: она есть только сейчас..., а иначе, если присмотреться повнимательнее, все может показаться ненастоящим в худшем смысле этого слова.

Профессор умолк, потом посмотрел на Ивана, который вовсе его и не слушал, и вдруг весело сказал:

– Ну что, дорогой мой Курт, подзадержались мы в этой истории: пора нам двигаться дальше!..

Иван хмыкнул:

– Куда? К этому вашему Артуру?

– И до него доберемся, хоть и не сразу. Быть может, доберемся. То есть должны добраться...

Иван опять хмыкнул.

– Что вы все время хмыкаете? – раздраженно спросил профессор.

– Да потому что вы постоянно либо чего-то не договариваете, либо, по-моему, просто врете! – сказал Иван сердито.

– Тогда вот что я вам скажу, – произнес профессор, пристально глядя Ивану в глаза. – Как вы правильно догадались, великая битва, в которой вам довелось принять участие, – это не просто схватка между Дарием и Александром, между персами и македонянами. Нет – это сра-

жение между Востоком и Западом, и не только в смысле цивилизаторском. Запад – страна заката, страна мертвых. Восток – место, где рождаются боги. Подумайте сами, барон, кто тут с кем бился? А? Вот то-то.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.